Л. Н. Толстой

СТАТЬИ

О ПАТРІОТИЗМѢ.

I.

Христіанство и патріотизмъ.

II.

Патріотизмъ или миръ.

III.

Патріотизмъ и правительство.

Изданіе „ЕДИНЕНІЯ"
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 19.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Тип. Издательской Комиссіи Моск. Совѣта Солд. Депут. № 320.
1917.

Христіанство и патріотизмъ.

Франко-русскія празднества, происходившія въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года во Франціи, вызвали во мнѣ, вѣроятно такъ же какъ и во многихъ людяхъ, сначала чувство комизма, потомъ недоумѣнія, потомъ негодованія, которыя я и хотѣлъ выразить въ короткой журнальной статьѣ; но вдумываясь все болѣе и болѣе въ главныя причины этого страннаго явленія, я пришелъ къ тѣмъ соображеніямъ, которыя и предлагаю теперь читателямъ.

17 марта 1894 г. Москва.

I.

Люди русскіе и французскіе жили много столѣтій, зная другъ друга, входя иногда въ дружескія, большею частью, къ сожалѣнію, въ очень враждебныя, вызываемыя ихъ правительствами, отношенія другъ съ другомъ, и вдругъ оттого, что два года тому назадъ французская эскадра прибыла въ Кронштадтъ, и офицеры эскадры, вышедши на берегъ, въ разныхъ мѣстахъ много ѣли и пили разнаго вина, выслушивая при этомъ и произнося много лживыхъ и глупыхъ словъ, и оттого, что въ 1893 году такая же русская эскадра прибыла въ Тулонъ, и офицеры русской эскадры въ Парижѣ много ѣли и пили, выслушивая и произнося при этомъ еще больше лживыхъ и глупыхъ словъ, сдѣлалось то, что не только тѣ люди, которые ѣли, пили и говорили, но и всѣ тѣ, которые присутствовали при этомъ, и всѣ тѣ даже, которые не присутствовали при этомъ, но только слышали и читали въ газетахъ про это, всѣ эти милліоны людей русскихъ и французскихъ вдругъ во-

образили себѣ, что они какъ-то особенно любятъ другъ друга, т.-е. всѣ французы всѣхъ русскихъ, и всѣ русскіе всѣхъ французовъ.

Чувства эти выражались во Франціи въ прошедшемъ октябрѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ.

Вотъ какъ описывается встрѣча русскихъ моряковъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», газетѣ, собирающей свои свѣдѣнія изъ всѣхъ другихъ.

«При встрѣчѣ судовъ русскихъ и французскихъ, тѣ и другія, кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ, привѣтствовали другъ друга горячими, восторженными криками «ура», «да здравствуетъ Россія», «да здравствуетъ Франція!».

«Къ этому присоединились хоры музыки (бывшіе на многихъ частныхъ пароходахъ), исполнявшіе гимны—русскій «Боже, царя храни» и французскій «Марсельезу»; публика на частныхъ судахъ махала шляпами, флагами, платками и букетами цвѣтовъ; на многихъ баркахъ были одни крестьяне и крестьянки со своими дѣтьми, и у всѣхъ въ рукахъ были букеты цвѣтовъ, и даже ребята, махая букетами, кричали что было мочи: «вивъ ля Рюсси». Наши моряки, видя такой восторгъ народный, не могли удержаться отъ слезъ.

«Въ гавани были выстроены въ двѣ линіи всѣ французскія военныя суда, находившіяся въ Тулонѣ, и наша эскадра проходила между ними: впереди шелъ адмиральскій броненосецъ, а за нимъ остальныя. Наступила чрезвычайно торжественная минута.

«Съ русскаго броненосца послѣдовало пятнадцать пушечныхъ выстрѣловъ въ честь французской эскадры, а въ отвѣтъ французскій броненосецъ

далъ двойное число выстрѣловъ — тридцать. Съ французскихъ судовъ грянули звуки русскаго гимна. Французскіе матросы взбираются на реи и мачты; громкіе клики привѣтствій безостановочно льются съ обѣихъ эскадръ и съ частныхъ судовъ; шапки матросовъ, шляпы и платки публики — все это восторженно поднимается кверху въ честь дорогихъ гостей. Отовсюду съ воды и съ берега гремитъ одинъ общій возгласъ: «да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Франція!».

«Согласно морскому уставу, адмиралъ Авеланъ съ офицерами своего штаба высадился на берегъ, чтобы привѣтствовать мѣстныхъ властей. На пристани русскихъ моряковъ встрѣтили французскій главный морской штабъ и старшіе офицеры Тулонскаго порта. Послѣдовали общія дружескія рукопожатія при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ. Хоръ морской музыки исполнилъ гимнъ «Боже, царя храни», покрытый громовыми кликами публики: «да здравствуетъ царь!» «да здравствуетъ Россія!» Эти клики слились въ одинъ могучій гулъ, покрывшій и музыку и пушечную пальбу.

«Очевидцы сообщаютъ, что въ эту минугу восторгъ несмѣтной массы народа достигъ высочайшей степени, и словами невозможно передать, какими ощущеніями переполнились сердца всѣхъ здѣсь присутствующихъ. Адмиралъ Авеланъ, съ обнаженною головою и въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ офицеровъ, отправился въ помѣщеніе морского управленія, гдѣ его ожидалъ французскій морской министръ.

Принимая адмирала, министръ сказалъ:

«Кронштадтъ и Тулонъ — это два мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о сочувствіи между рус-

скимъ и французскимъ народами; вы будете вездѣ встрѣчены, какъ сердечные друзья».

«Правительство и вся Франція поздравляютъ васъ съ пріѣздомъ и вашихъ спутниковъ, представляющихъ «великій и благородный народъ». Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ выразить всю свою благодарность: «русская эскадра и вся Россія», сказалъ онъ, «будутъ признательны за вашъ пріемъ». Послѣ краткаго разговора, прощаясь съ министромъ, адмиралъ вторично благодарилъ его за пріемъ и прибавилъ: «Не хочу съ вами разставаться, пока не произнесу тѣхъ словъ, которыя начертаны въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей: «да здравствуетъ Франція!» *).

Такова была встрѣча въ Тулонѣ; въ Парижѣ встрѣча и празднества были еще удивительнѣе.

Вотъ какъ описывается въ газетахъ встрѣча въ Парижѣ: «Всѣ взоры направлены на бульваръ des Italiens (Итальянскій бульваръ), откуда должны появиться русскіе моряки. Издали доносится наконецъ гулъ цѣлаго урагана восклицаній и аплодисментовъ. Гулъ становится сильнѣе, явственнѣе. Ураганъ видимо приближается. На площади происходитъ сильнѣйшее движеніе. Полицейскіе бросаются расчищать дорогу къ Cercle militaire (военный клубъ), но это оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. Въ толпѣ поднялась невообразимая толкотня и давка. Наконецъ, на площади появляется голова кортежа. Въ тотъ же моментъ надъ ней проносится оглушительный крикъ: «Vive la Russie! Vive les Russes!» (Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ русскіе!). Всѣ обнажаютъ головы,

*) Сельскій Вѣстникъ, 1893 г., № 41.

публика, биткомъ набившаяся въ окнахъ, на балконахъ, размѣстившаяся даже на крышахъ, машетъ платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодируетъ, бросаетъ изъ оконъ верхнихъ этажей облака небольшихъ разноцвѣтныхъ кокардъ. Цѣлое море платковъ, шляпъ, флаговъ волнуется надъ головами толпы, стоящей на площади: «Vive la Russie! Vive les Russes!» кричитъ эта стотысячная толпа, стараясь получше разсмотрѣть дорогихъ гостей, протягивая къ нимъ руки и всячески выражая свои симпатіи» *).

Другой корреспондентъ пишетъ, что восторгъ толпы граничилъ съ бредомъ. Одинъ русскій публицистъ, бывшій въ то время въ Парижѣ, описываетъ это вшествіе моряковъ слѣдующимъ образомъ:

— «Правду говорятъ — событіе всемірное, изумительное, трогающее до слезъ, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать *той любовью, которая видитъ въ людяхъ братьевъ, и которая ненавидитъ кровь и насильственныя присоединенія, отторженіе родныхъ дѣтей отъ любимой матери*. Я въ какомъ-то чаду въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Мнѣ было странно, почти непосильно стоять на станціи Ліонской желѣзной дороги среди представителей французской администраціи въ золотомъ шитыхъ мундирахъ, среди муниципалитета во фракахъ и слышать крики: «Vive la Russie! Vive le czar!» и нашъ народный гимнъ, исполняемый нѣсколько разъ сряду. Гдѣ я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила все это въ одно чувство, въ одинъ разумъ? Развѣ не чувствуется тутъ присутствіе Бога любви и братства,

*) Новое Время.

присутствіе чего-то высшаго, идеальнаго, сходящаго на людей только въ высокія минуты? Сердце такъ полно чѣмъ-то прекраснымъ и чистымъ, и возвышеннымъ, что перо не въ состояніи всего этого выразить. Слова блѣдны передъ тѣмъ, что я видѣлъ, что я чувствовалъ. Это не восторгъ, слово это слишкомъ банально, — это лучше восторга. Живописнѣе, глубже, радостнѣе, разнообразнѣе. Нельзя описывать того, что было у «Cercle militaire», когда появился на балконѣ второго этажа адмиралъ Авеланъ. Тутъ слова ничего не скажутъ. Во время молебна, когда пѣвчіе пѣли въ церкви «Спаси, Господи, люди твоя», въ открытыя двери врывались торжественные звуки Марсельезы духового оркестра, который игралъ на улицѣ. Что-то изумительное по впечатлѣнію, непередаваемое» *).

II.

Пріѣхавши во Францію, русскіе моряки въ продолженіе двухъ недѣль переходили съ праздника на праздникъ и въ срединѣ или по окончаніи всякаго праздника ѣли, пили и говорили. И свѣдѣнія о томъ, гдѣ и что они ѣли и пили въ среду, и гдѣ и что въ пятницу, и что при этомъ говорили, по телеграфу сообщалось всей Россіи. Какъ только который нибудь изъ русскихъ капитановъ пилъ за здоровье Франціи, такъ это тотчасъ становилось извѣстнымъ міру, и какъ только русскій адмиралъ говорилъ: «пью за прекрасную Францію!» слова эти тотчасъ же разносились по всему міру.

---

*) Новое Время, октябрь 93 г.

Но мало того, заботливость газетъ была такова, что сообщались не только тосты, но и много обѣдовъ съ пирожками и закусками, которыя потреблялись на обѣдахъ.

Такъ, въ одномъ № газеты было сказано, что обѣдъ представлялъ изящное произведеніе:

Consommé de vollailles, petits patés.
Mousse de homard parisienne.
Noisette de bœuf à la béarnaise.
Faisans à la Perigor.
Casserolles de truffes au champagne.
Chaufroid de volailles à la Toulouse.
Salade russe.
Croute de fruits toulonaise.
Parfaits à l'ananas.
Desserts *).

Въ слѣдующемъ № было сказано:

И въ кулинарномъ отношеніи обѣдъ не оставлялъ желать ничего лучшаго: меню было слѣдующее:

Potage livonien et S-Germain.
Zéphyrs Nantua.
Esturgeon braisé möldave,
Selle de daguet grand veneur"... и т. д. **).

---

*) Бульонъ изъ дичи, маленькіе пирожки.
Муссъ изъ парижскихъ омаровъ.
Вырѣзка по беарнски.
Фазаны à la Перигоръ.
Салатъ изъ трюфелей съ шампанскимъ.
Дичь по Тулузски.
Русскій салатъ.
Фрукты по Тулонски.
Ананасное мороженое.
Дессертъ.

**) Супъ Ливонскій и Сентъ-Жерменскій

Въ слѣдующей газетѣ описывается опять новое меню. При каждомъ меню описывались еще подробно и тѣ напитки, которые поглощали всѣ празднующіе: такая-то «вудка», такое-то Bourgogne vieu (Старое Бургунское), Grand Moët (Шампанское Моетъ) и т. п. Въ англійской газетѣ было перечисленіе всѣхъ тѣхъ пьяныхъ напитковъ, которые были поглощены во время этихъ празднествъ. Количество это такъ огромно, что едва ли всѣ пьяницы Россіи и рФанціи могли бы выпить столько въ такое короткое время.

Сообщались и рѣчи, произносимыя празднующими, но меню были разнообразнѣе рѣчей. Рѣчи состояли неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ. Смыслъ этихъ словъ былъ всегда одинъ и тотъ же: мы нѣжно любимъ другъ друга, мы въ восторгѣ, что мы вдругъ такъ нѣжно полюбили другъ друга. Цѣль наша не война и не реваншъ и не возвращеніе отнятыхъ провинцій, а цѣль наша только *миръ*, благодѣяніе *мира*, обезпеченіе *мира*, спокойствіе и *миръ* Европы. Да здравствуетъ русскій императоръ и императрица, мы любимъ ихъ и любимъ *миръ*. Да здравствуетъ президентъ республики и его супруга, мы тоже любимъ ихъ и любимъ *миръ*. Да здравствуетъ Франція, Россія, ихъ флотъ и ихъ армія. Мы любимъ и армію, и миръ, и начальника эскадры. Рѣчи большею частью заканчивались, какъ въ куплетахъ, словами: Тулонъ, Кронштадтъ, или Кронштадтъ, Тулонъ. И наименованіе этихъ мѣстъ, гдѣ было такъ

Зефиръ Нантюа.
Вареная осетрина по молдавски и т. д. (Ред.).

много съѣдено разныхъ кушаній и выпито разнаго вина, произносились какъ слова, напоминающія самые высокіе, доблестные поступки представителей обоихъ народовъ, такія слова, послѣ произнесенія которыхъ уже говорить нечего, потому что все понятно. Мы любимъ другъ друга и любимъ миръ, Кронштадтъ, Тулонъ! что еще можно прибавить къ этому??. особенно подъ звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: одинъ — прославляющій царя и просящій у Бога для него всякихъ благъ, другой — проклинающій всѣхъ царей и обѣщающій имъ всѣмъ погибель.

Людямъ, особенно хорошо выражавшимъ свои чувства любви, давались ордена и награды, нѣкоторымъ же людямъ за тѣ же услуги или просто отъ избытка чувствъ подносились подарки самые странные и неожиданные: такъ, русскому царю французская эскадра поднесла въ подарокъ какую-то золотую книгу, въ которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нѣчто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, въ числѣ другихъ подарковъ, еще болѣе удивительный предметъ — соху изъ аллюминія, покрытую цвѣтами, и много другихъ такихъ же неожиданныхъ подарковъ.

Кромѣ того, всѣ эти странные поступки сопровождались еще болѣе странными религіозными обрядами и общественными молитвами, отъ которыхъ казалось бы уже давно отвыкли французы. Едва ли со временъ Конкордата было совершено столько общественныхъ молитвъ, сколько въ это короткое время. Всѣ французы стали вдругъ необыкновенно набожны и заботливо развѣшивали въ

комнатахъ русскихъ моряковъ тѣ самые образа, которые они тоже старательно, какъ вредное орудіе суевѣрія, выносили изъ своихъ школъ, и не переставая, молились. Кардиналы и епископы вездѣ предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами. Такъ, епископъ въ Тулонѣ, при спускѣ броненосца «Жоригибери», молился Богу мира, давая чувствовать при этомъ однако, что если что, то онъ можетъ обратиться и къ Богу войны.

«Какова будетъ судьба его», сказалъ епископъ, говоря о спускаемомъ броненосцѣ, «одинъ Богъ только вѣдаетъ, будетъ ли онъ извергать смерть изъ ужасающихъ нѣдръ своихъ — неизвѣстно. Но если бы, призвавъ нынѣ Бога мира, намъ пришлось впослѣдствіи призвать и Бога брани, мы твердо уповаемъ, что «Жоригибери» пойдетъ на врага рука объ руку съ могучими судами, экипажи коихъ вступили нынѣ въ столь близкое братское единеніе съ нашими. Но да минуетъ насъ эта перспектива, да оставитъ настоящее празднество только мирное воспоминаніе, какъ воспоминаніе о великомъ князѣ Константинѣ (Константинъ Николаевичъ былъ въ Тулонѣ въ 1857 г.), который здѣсь же присутствовалъ на спускѣ корабля «Квириналъ», и да сдѣлаетъ дружба Франціи съ Россіей изъ этихъ двухъ націй хранителей мира...»

Между тѣмъ десятки тысячъ телеграммъ перелетали изъ Россіи во Францію и изъ Франціи въ Россію. Французскія женщины привѣтствовали русскихъ женщинъ. Русскія женщины выражали свою благодарность французскимъ женщинамъ. Труппа русскихъ актеровъ привѣтствовала французскихъ актеровъ, французскіе актеры сообщали, что они закладываютъ глубоко въ сердцѣ привѣтствіе труппы русскихъ актеровъ. Русскіе кандидаты на судебныя должности, состоящіе при окружномъ судѣ какого-то города, изъявляли свой восторгъ французской націи. Генералъ такой-то благодарилъ г-жу такую-то, г-жа такая-то увѣряла въ своихъ чувствахъ къ русской націи генерала такого-то; русскія дѣти писали привѣтственные стихи французскимъ дѣтямъ, французскія дѣти отвѣчали стихами и прозой; русскій министръ просвѣщенія свидѣтельствовалъ министру французскаго просвѣщенія о чувствахъ внезапной любви къ французамъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему русскихъ дѣтей, ученыхъ и писателей; члены общества покровительства животныхъ свидѣтельствовали свою горячую привязанность французамъ; о томъ же заявляла Казанская дума.

Каноникъ Аррарской эпархіи заявлялъ высокопреподобному протопресвитеру русскаго придворнаго духовенства, что онъ можетъ утверждать, что въ сердцахъ всѣхъ французскихъ кардиналовъ и архіепископовъ глубоко запечатлѣна любовь къ Россіи и къ его величеству Александру III и его августѣйшей фамиліи, и что французскіе и русскіе священники исповѣдуютъ почти одну и ту же вѣру и одинаково чтутъ пресвятую дѣву. На что высокопреподобный протопресвитеръ отвѣчалъ, что молитвы французскаго духовенства за августѣйшую фамилію радостно отозвались въ сердцахъ всего русскаго царелюбиваго народа и что, такъ какъ русскій народъ также чтитъ пресвятую дѣву, то и можетъ разсчитывать на Францію на жизнь и смерть. О томъ же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными това-

рами. Всѣ кого-то съ чѣмъ-то поздравляли, кого-то за что-то благодарили.

Возбужденіе было такъ велико, что совершались самые необычайные поступки, но никто не замѣчалъ ихъ необычайности, а, напротивъ, всѣ одобряли ихъ, восхищались ими и, какъ-будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорѣе какой-нибудь такого же рода поступокъ, чтобы не отстать отъ прочихъ. Если слышались высказываемые и даже писанные и печатные противъ этихъ бѣснованій протесты, указывающіе на неразумность ихъ, то протесты эти скрывались или заглушались *).

---

*) Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій протестъ студентовъ, посланный въ Парижъ, но не принятый ни въ одной газетѣ:

Открытое письмо къ французскимъ студентамъ.

„Недавно кучка московскихъ студентовъ юристовъ, съ инспекціей во главѣ, взяла на себя смѣлость говорить отъ лица всего Московскаго студенчества по поводу Тулонскихъ празднествъ.

„Мы, представители союза землячествъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ какъ противъ самозванства этой кучки, такъ и по существу противъ происшедшаго между нею и французскими студентами обмѣна привѣтствій. Мы тоже смотримъ съ горячей любовью и глубокимъ уваженіемъ на Францію, но смотримъ такъ на нее потому, что видимъ въ ней великую націю, которая прежде постоянно являлась для всего міра глашатаемъ и провозвѣстникомъ великихъ идеаловъ свободы, равенства и братства, которая была первою и въ дѣлѣ отважныхъ попытокъ воплощенія въ жизнь этихъ великихъ идеаловъ, и лучшая часть русской молодежи всегда была готова привѣтствовать Францію, какъ передового воина за лучшее будущее человѣчества. Но мы не считаемъ такія празднества, какъ Кронштадтскія и Тулонскія, подходящимъ поводомъ для подобныхъ привѣтствій.

Напротивъ, эти празднества знаменуютъ собою печальное, но, надѣемся, временное явленіе, — измѣну Франціи своей прежней великой исторической роли: страна призывавшая

Не говоря уже о всѣхъ милліонахъ рабочихъ дней, потраченныхъ на эти празднества, на повальное пьянство всѣхъ участвующихъ, поощряемое всѣми властями, не говоря о безсмысленности произнесенныхъ рѣчей, совершались самыя безумныя и жестокія дѣла, и никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Такъ задавлено было до смерти нѣсколько десятковъ людей и никто не находилъ нужнымъ упоминать объ этомъ. Одинъ корреспондентъ писалъ, что французъ сказалъ ему на балѣ, что те-

---

когда-то весь міръ разбить оковы деспотизма и предлагавшая свою братскую помощь всякому народу, возставшему за свое освобожденіе,—теперь воскуряетъ фиміамы передъ русскимъ правительствомъ, которое систематично тормозитъ нормальный, органическій и живой ростъ народной жизни и безпощадно подавляетъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, всѣ стремленія русскаго общества къ свѣту, къ свободѣ и къ самостоятельности. Тулонскія манифестаціи — есть одинъ изъ актовъ той драмы, которую представляетъ созданный Наполеономъ III и Бисмаркомъ антагонизмъ между двумя великими націями — Франціей и Германіей. Этотъ антагонизмъ держитъ всю Европу подъ ружьемъ и дѣлаетъ вершителемъ политическихъ судебъ міра русскій абсолютизмъ, всегда бывшій опорой произвола и деспотизма противъ свободы, эксплоататоровъ противъ эксплоатируемыхъ. Чувство боли за свою страну, сожалѣніе о слѣпотѣ значительной части французскаго общества — вотъ какія чувства вызываютъ въ насъ эти празднества.

Мы вполнѣ убѣждены, что молодое поколѣніе Франціи не увлекается національнымъ шовинизмомъ и готовое бороться за тотъ лучшій соціальный строй, къ которому идетъ человѣчество, сумѣетъ себѣ отдать отчетъ въ настоящихъ событіяхъ и отнестись къ нимъ надлежащимъ образомъ; мы надѣемся, что нашъ горячій протестъ найдетъ себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ французской молодежи".

Союзный совѣтъ 24-хъ объединенныхъ московскихъ землячествъ.

перь едва ли найдется одна женщина въ Парижѣ, которая не измѣнила бы своимъ обязанностямъ для удовлетворенія желанія какого-либо русскаго моряка, и все это проходило незамѣченнымъ, какъ нѣчто такое, что такъ и должно быть. Появлялись случаи и ясно выраженнаго бѣшенства. Такъ, одна женщина, одѣвшись въ платье изъ цвѣтовъ французско-русскаго флаговъ, дождалась моряковъ, воскликнула: «Vive la Russie!» и съ моста прыгнула въ рѣку и потонула.

Женщины вообще во всѣхъ этихъ торжествахъ играли выдающуюся роль и даже руководили мужчинами. Кромѣ бросанія цвѣтовъ и разныхъ ленточекъ и поднесенія подарковъ и адресовъ, французскія женщины на улицахъ бросались на русскихъ моряковъ и цѣловали ихъ, нѣкоторыя для чего-то подносили имъ дѣтей, предлагая цѣловать ихъ; когда русскіе моряки исполняли это желаніе, то всѣ присутствующіе приходили въ восторгъ и плакали.

Странное возбужденіе это было такъ заразительно, что, какъ разсказываетъ одинъ корреспондентъ, казавшійся совершенно здоровымъ русскій матросъ, послѣ двухнедѣльнаго созерцанія всего совершавшагося вокругъ него,—въ серединѣ дня спрыгнулъ съ корабля въ море, и поплылъ, крича: вивъ ля Франсъ! Когда его вытащили и спросили, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что далъ зарокъ въ честь Франціи оплыть кругомъ корабля.

Такимъ образомъ ничѣмъ не нарушаемое возбужденіе росло и росло, какъ комъ катящагося мокраго снѣга, и доросло, наконецъ, до того, что не только присутствующіе, не только предрасположенные, слабонервные, но сильные, нормальные люди подпали общему настроенію и пришли въ ненормальное состояніе.

Помню, что я, въ разсѣяніи читая одно изъ такихъ описаній торжества пріема моряковъ, вдругъ неожиданно почувствовалъ сообщившееся мнѣ чувство, подобное умиленію, даже готовность къ слезамъ, такъ что долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы побороть это чувство.

III.

Недавно профессоръ психіатріи Сикорскій описалъ въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ изслѣдованную имъ, какъ онъ называетъ это, психопатическую эпидемію *малеванщины*, проявившуюся въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Сущность этой эпидеміи состояла, по словамъ г-на Сикорскаго, въ томъ, что нѣкоторые люди этихъ деревень подъ вліяніемъ ихъ руководителя, по фамиліи Малеваннаго, вообразили себѣ, что въ скоромъ времени долженъ наступить конецъ міра, и, измѣнивъ вслѣдствіе этого весь свой образъ жизни, стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко ѣсть и пить и перестали работать. Профессоръ нашелъ положеніе этихъ людей ненормальнымъ. Онъ говоритъ: «необыкновенное благодушіе ихъ переходило часто въ экзальтацію, радостное состояніе, лишенное внѣшнихъ мотивовъ. Они настроены были сантиментально: учтивы до утрировки, говорливы, подвижны, съ легко наступающими и столь же легко и безслѣдно исчезающими слезами радости. Они продавали необходимое, чтобы обзавестись зонтиками, шелковыми платками и т. п. принадлежно-

стями, и къ тому же платки служили для нихъ только какъ туалетное украшеніе. Они много ѣли сластей. Настроеніе ихъ духа всегда было жизнерадостное и жизнь они вели праздную: посѣщали другъ друга, гуляли вмѣстѣ... При указаніи имъ на явно нелѣпый характеръ ихъ отказа отъ работъ, можно было каждый разъ получить въ отвѣтъ стереотипную фразу: «захочется—буду работать, не захочется—зачѣмъ стану себя принуждать?!».

Ученый профессоръ считаетъ состояніе этихъ людей явно выраженнымъ случаемъ психопатической эпидеміи и, совѣтуя правительству принять нѣкоторыя мѣры противъ распространенія ея, заканчиваетъ свое сообщеніе словами: «малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина и объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій».

Но если малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина и отъ вредныхъ общественныхъ условій, то какой же ужасающій вопль заболѣвшаго населенія и какая мольба объ избавленіи его отъ вина и отъ ложныхъ общественныхъ условій есть эта новая болѣзнь, появившаяся въ Парижѣ и съ ужасающей быстротой охватившая большую часть городского населенія Франціи и почти всю правительственную и господскую цивилизованную Россію?

И если признать, то, что психопатическое страданіе малеванщины опасно, и что правительство хорошо сдѣлало, послѣдовавъ совѣту профессора, устранивъ руководителей малеванцевъ заключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сумасшедшіе дома и монастыри и ссылкой нѣкоторыхъ въ отдаленныя мѣста, то насколько болѣе опасной должно признать

эту вновь появившуюся въ Тулонѣ и Парижѣ и оттуда распространившуюся по всей Франціи и Россіи, новую эпидемію, и насколько необходимѣе, если не правительству, то обществу принять рѣшительныя мѣры противъ распространенія такихъ эпидемій.

Сходство между тою и другою болѣзнью полное. То же необыкновенное благодушіе, переходящее въ безпричинную и радостную экзальтацію, та же сантиментальность, утрированная учтивость, говорливость, тѣ же безпрестанныя слезы умиленія, приходящія и проходящія безъ причины, то же праздничное настроеніе, то же гулянье и посѣщеніе другъ друга, то же наряженіе себя въ самыя нарядныя платья, то же пристрастіе къ сладкой ѣдѣ, тѣ же безсмысленныя рѣчи, та же праздность, то же пѣніе и музыка, то же руководительство женщинъ и та же для многихъ клоуническая фаза attitudes passionnelles, которую замѣтилъ г-нъ Сикорскій у малеванцевъ, т. е., какъ я понимаю это слово, тѣ различныя, ненатуральныя позы, которыя принимаютъ люди во время торжественныхъ встрѣчъ, пріемовъ и произнесенія рѣчей во время обѣдовъ.

Сходство совершенное. Разница только въ томъ, и разница огромная для того общества, въ которомъ происходятъ эти явленія, что тамъ это помѣшательство нѣсколькихъ десятковъ мирныхъ, бѣдныхъ деревенскихъ жителей, живущихъ своими небольшими средствами и потому не могущихъ совершить никакого насилія надъ своими сосѣдями и заражающихъ другихъ только посредствомъ личной и изустной передачи своего настроенія, здѣсь же—это помѣшательство милліоновъ людей, обла-

дающихъ огромными суммами денегъ и средствами насилія надъ другими людьми: ружьями, штыками, крѣпостями, броненосцами, меленитами, динамитами, и, кромѣ того, имѣющими въ своемъ распоряженіи самыя энергичныя средства распространенія своего помѣшательства: почту, телеграфы, огромное количество газетъ и всякаго рода изданій, наперерывъ печатающихъ и разносящихъ ихъ заразу во всѣ концы міра. Разница еще въ томъ, что первые не только не напиваются пьяны, но не употребляютъ никакихъ хмельныхъ напитковъ, вторые же находятся постоянно въ полупьяномъ состояніи, которое они не переставая въ себѣ поддерживаютъ. И потому для общества, въ которомъ происходятъ такія явленія, между кіевской эпидеміей, во время которой, по свѣдѣніямъ г-на Сикорскаго, не видно, чтобы было совершено какое-либо насиліе, убійство, и той, которая появилась въ Парижѣ, гдѣ при одномъ шествіи задавлено было 20 женщинъ, разница та же, какая была бы между тѣмъ, что изъ печки выскочилъ уголекъ и теплится на полу, который очевидно не загорится отъ него, и огнемъ, который захватилъ уже двери и стѣны дома. Въ худшемъ случаѣ послѣдствія кіевской эпидеміи будутъ состоять въ томъ, что крестьяне одной милліонной части Россіи проживутъ то, что они нажили своимъ трудомъ и окажутся несостоятельными для уплаты казенныхъ податей. Послѣдствія же отъ эпидеміи тулонско-парижской, захватившей людей, обладающихъ страшной властью, огромными суммами денегъ, орудіями насилія и распространенія своего помѣшательства,—могутъ и должны быть ужасны.

IV.

Можно съ жалостью выслушивать тотъ вздоръ, который болтаетъ слабый, старый, безоружный сумасшедшій въ своемъ колпакѣ и халатѣ, даже и не противорѣчить и шутя даже потакнуть ему, но когда это цѣлая толпа здоровенныхъ сумасшедшихъ, вырвавшихся изъ своего заключенія, и толпа эта обвѣшена съ головы до ногъ острыми кинжалами, саблями и заряженными револьверами и въ азартѣ размахиваетъ этими смертоносными орудіями,—нельзя уже не только потакать имъ, но и быть на минуту спокойнымъ. Тоже и съ тѣмъ состояніемъ возбужденія, вызваннаго французскими празднествами, въ которомъ находится теперь французское и русское общество. Вѣдь люди, подпавшіе теперь психопатической эпидеміи, находятся въ обладаніи самыхъ страшныхъ орудій убійства и истребленія.

Правда, что во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ тостахъ, произносимыхъ во время этихъ празднествъ, во всѣхъ статьяхъ объ этихъ празднествахъ неуклонно говорилось о томъ, что значеніе всего совершающагося состоитъ въ обезпеченіи міра. Даже сторонники войны говорили не о ненависти къ отторгающимъ провинціи, а о какой-то любви, которая какъ-то ненавидитъ.

Но извѣстна хитрость всѣхъ людей, одержимыхъ душевными болѣзнями, и это-то самое упорное повтореніе того, что мы не хотимъ войны, а хотимъ мира, и умалчиваніе о томъ, о чемъ всѣ думаютъ, и составляетъ самое угрожающее явленіе.

Въ своемъ отвѣтномъ тостѣ на обѣдѣ въ Елисейскомъ дворцѣ русскій посолъ сказалъ: «пре-

жде нежели провозгласить тостъ, на который отзовутся изъ самой глубины сердецъ не только всѣ, находящіеся въ этихъ стѣнахъ, но также и съ тою же силою и всѣ тѣ, чьи сердца вдали и вблизи на всѣхъ пунктахъ великой, прекрасной Франціи, равно какъ и всей Россіи, бьются въ настоящую минуту въ унисонъ съ нашими,—позвольте мнѣ принести вамъ выраженіе глубокой нашей благодарности за привѣтственныя слова, обращенныя вами къ адмиралу, на котораго царь возложилъ порученіе отдать кронштадтскій визитъ. При томъ высокомъ значеніи, которымъ вы пользуетесь, слова ваши характеризуютъ истинное значеніе великолѣпныхъ *мирныхъ* торжествъ, празднуемыхъ съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, лояльностью и чистосердечіемъ.»

То же ничѣмъ неоправдываемое упоминаніе о мирѣ находится и въ рѣчи французскаго президента: «узы любви, связывающія Россію и Францію», сказалъ онъ, «и два года назадъ скрѣпленныя трогательными манифестаціями, которыхъ нашъ флотъ былъ предметомъ въ Кронштадтѣ, съ каждымъ днемъ становятся тѣснѣе, и *честный* обмѣнъ нашихъ дружественныхъ чувствъ долженъ вдохновить всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ къ сердцу благодѣянія *мира*, довѣрія и безопасности» и т. д.

И въ той и другой рѣчи совершенно неожиданно и безъ всякаго повода говорится о благодѣяніяхъ мира и о мирныхъ торжествахъ.

То же самое и въ телеграммахъ, которыми обмѣнялись русскій императоръ и французскій президентъ. Русскій императоръ телеграфируетъ:

Au moment où l'escadre russe quitte la France, il me tient à coeur de vous exprimer combien je

suis touché et reconnaissant de l'accueil chaleureux et splendide, que mes marins ont trouvé partout sur le sol français. Les témoignages de vive sympathie qui se sont manifestés encore une fois avec tant d'éloquence, joindront un nouveau lien à ceux qui unissent les deux pays et contribueront, je l'espère, à l'affermissement de la paix générale, objet de leurs efforts et de leurs voeux les plus constants" и. т. д. *).

Французскій президентъ въ своей отвѣтной телеграммѣ говоритъ:

„La dépêche dont je remercie votre majesté m'est parvenue au moment où je quittais Toulon pour rentrer à Paris. La belle escadre sur laquelle j'ai eu la vive satisfaction de saluer le pavillon russe dans les eaux françaises, l'accueil cordial et spontané que vos braves marins ont rencontré partout en France, affirment une fois de plus avec éclat les sympathies sincères qui unissent nos deux pays. Ils marquent en même temps une foi profonde dans l'influence bienfaisante que peuvent exercer ensemble deux grandes nations devouées à la cause de la paix" **).

---

*) Въ тотъ моментъ, когда русская эскадра покидаетъ Францію, мнѣ хочется высказать Вамъ насколько я тронутъ и благодаренъ за горячій и блестящій пріемъ, который встрѣтили мои моряки повсюду на французской территоріи. Выраженія живой симпатіи, которыя проявились еще разъ такъ краснорѣчиво, прибавятъ еще новыя узы къ тѣмъ, которыя соединяютъ двѣ страны, и послужатъ, я надѣюсь, къ укрѣпленію всеобщаго *мира*, цѣли ихъ постоянныхъ усилій и желаній. *Ред.*

**) Депешу, за которую я благодарю ваше величество, я получилъ въ тотъ моментъ, когда я покидалъ Тулонъ, чтобы вернуться въ Парижъ. Прекрасная эскадра, на которой я имѣлъ удовольствіе привѣтствовать русскій флагъ въ французскихъ водахъ, дружескій и радушный пріемъ, который

Опять въ обѣихъ телеграммахъ ни къ селу ни къ городу упоминается о мирѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ празднествами моряковъ.

Нѣтъ ни одной рѣчи, ни одной статьи, въ которыхъ не говорилось бы о томъ, что цѣль всѣхъ этихъ бывшихъ оргій есть миръ Европы. За обѣдомъ, который даютъ представители русской прессы, всѣ говорятъ о мирѣ. Г-нъ Зола, который недавно писалъ о томъ, что война необходима и даже полезна, и г-нъ Вогюэ, который не разъ печатно высказывалъ тоже, не говорятъ ни слова о войнѣ, а говорятъ только о мирѣ. Засѣданія палатъ открываются рѣчами о прошедшихъ празднествахъ, ораторы утверждаютъ, что празднества эти суть объявленіе мира Европѣ.

Точно, какъ человѣкъ, пришедшій въ мирное общество и усердно увѣряющій при всякомъ случаѣ присутствующихъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія никому выбивать зубы, подбивать глаза и ломать руки, а имѣетъ намѣреніе только мирно провести вечеръ. «Да никто въ этомъ и не сомнѣвается», хочется ему сказать. «Если же вы имѣете такія гнусныя намѣренія, то по крайней мѣрѣ не смѣйте говорить ихъ намъ».

Во многихъ статьяхъ, писанныхъ о празднествахъ, даже прямо и наивно высказывается удовольствіе о томъ, что во время празднествъ никѣмъ не было выражено то, что tacitu consensu (по молчаливому соглашенію. Ред.) рѣшено было скры-

Ваши храбрые моряки встрѣтили повсюду во Франціи, блестяще доказываютъ еще разъ — какая искренняя симпатія соединяетъ наши двѣ страны. Въ то же время они вселяютъ глубокую вѣру въ то благодѣтельное вліяніе, которое могутъ оказать двѣ большія націи, преданныя *дѣлу мира. Ред.*

вать отъ всѣхъ, и что только одинъ неосторожный человѣкъ, тотчасъ же убранный полиціей, крикнулъ то, что думали всѣ, а именно: «a bas l'Allemagne!» («Долой Германію!»). Такъ дѣти иногда такъ рады, что они скрыли свою шалость, что самая радость эта выдаетъ ихъ.

Да зачѣмъ же такъ радоваться тому, что никто ничего не сказалъ о войнѣ, если мы точно не думаемъ о ней?

V.

Никто не думаетъ о войнѣ, но только милліарды тратятся на военныя приготовленія и милліоны людей находятся подъ ружьемъ въ Россіи и Франціи.

«Но это все дѣлается для обезпеченія мира. Si vis pacem para bellum. L'empire c'est la paix, la république c'est la paix". (Если хочешь мира, готовь войну. Имперія—это миръ, республика—это миръ". Ред.).

Но если такъ, то для чего же у насъ въ Россіи не только во всѣхъ журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ для такъ называемыхъ образованныхъ людей, выясняются военныя выгоды нашего союза съ Франціей на случай войны съ Германіей, но и въ Сельскомъ Вѣстникѣ, газетѣ издаваемой русскимъ правительствомъ для народа, внушается этому несчастному, обманываемому правительствомъ народу, что «дружить съ Франціей и для Россіи тоже полезно и выгодно, потому что, если бы паче чаянія упомянутыя державы (Германія, Австрія, Италія) рѣшились нарушить миръ съ Россіей, то хотя она и одна съ Божьей помощью могла

бы постоять за себя и справиться съ весьма могущественнымъ союзомъ противниковъ, но было бы это не легко и для успѣшной борьбы понадобились большія жертвы и потери» и т. д. (Сельскій Вѣстникъ, 1893 г., № 43).

И для чего же во всѣхъ французскихъ коллежахъ преподается исторія по учебнику, составленному г-мъ Лависсомъ, 21 изданіе 1889 г., въ которомъ значится слѣдующее:

Depuis que l'insurrection de la Commune a été vaincue, la France n'a plus été troublée. Au lendemain de la guerre, elle s'est remise au travail. Elle a payé aux Allemands sans difficultés l'énorme contribution de guerre de cinq millards. Mais la France a perdu sa renommée militaire pendant la guerre de 1870. Elle a perdu une partie de son territoire. Plus de quinze cents mille hommes, qui habitaient nos departements du Haut Rhin, du bas Rhin et de la Moselle, et qui étaient de bons français, ont été obligés de devenir Allemands. Ils ne sont pas résignés à leur sort. Ils détestent l'Allemagne; ils espèrent toujours redevenir Français. Mais l'Allmagne tient à sa conquête, et c'est un grand pays, dont tous les habitants aiment sincèrement leur patrie et dont les soldats sont braves et disciplinés. Pour reprendre à l'Allemagne ce qu'elle nous a pris, il faut que nous soyons de bons citoyens et de bons soldats. C'est pour que vous deveniez de bons soldats, que vos maîtres vous apprennent l'histoire de la France. L'histoire de la France montre que dans notre pays les fils ont toujours vengé les désastres de leurs pères. Les français du temps de Charles VII ont vengé leurs pères vaincus, à Crécy, à Poitier, à Azincourt... C'est à vous,—enfants élevés aujourd'hui dans nos écoles, qu'il appartient de venger vos pères, vaincus à Sédan et à Metz. C'est votre

devoir, le grand devoir de votre vie. Vous devez y penser toujours“ и т. д. *).

Внизу страницы стоитъ рядъ вопросовъ, соотвѣтствующихъ параграфамъ. Вопросы слѣдующіе: «что утратила Франція при потерѣ части своей территоріи? Сколько французовъ сдѣлалось нѣмцами при потерѣ этой территоріи? Любятъ ли эти французы Германію? Что должны мы дѣлать для того, чтобы возвратить когда-нибудь отнятое у насъ Германіей?»... Кромѣ того есть еще «Reflexions sur le livre VII» («Размышленія о VII книгѣ»), въ которыхъ говорится, что «дѣти Франціи должны памятовать о нашихъ пораженіяхъ 1870 го-

*) Послѣ того, какъ было подавлено возстаніе коммуны, Франція успокоилась. Сейчасъ же послѣ войны она принялась за работу. Она заплатила нѣмцамъ безъ затрудненія громадную военную контрибуцію въ пять милліардовъ. Но Франція потеряла свою военную славу во время войны 1870 года. Она потеряла часть своей территоріи. Болѣе полутораста тысячъ человѣкъ, которые жили на верховьяхъ и устьяхъ Рейна и Мозеля, и которые были настоящими французами, были вынуждены сдѣлаться нѣмцами. Но они не подчинились своей судьбѣ. Они ненавидятъ Германію; они постоянно надѣятся снова стать французами. Но Германія дорожитъ своими завоеваніями, и это великая страна, жители которой искренно любятъ свою родину и солдаты которой храбры и дисциплинированы. Чтобы отнять у Германіи то, что она у насъ взяла, намъ нужно быть хорошими гражданами и хорошими солдатами. Чтобы вы сдѣлались хорошими солдатами, учителя ваши учатъ васъ исторіи Франціи. Исторія Франціи показываетъ, что въ нашей странѣ сыновья всегда мстили за несчастье своихъ отцовъ. Французы во времена Карла VII мстили за своихъ отцовъ, побѣжденныхъ при Кресси, Пуатье, Азинкуръ... А вамъ, дѣтямъ, воспитаннымъ теперь въ нашихъ школахъ, падлежитъ мстить за вашихъ отцовъ, побѣжденныхъ при Седанѣ и Мецѣ. Это ваша обязанность, громадная обязанность вашей жизни. Вы должны всегда думать объ этомъ... (Ред.).

да», что «они должны чувствовать на сердцѣ тяжесть этого воспоминанія», но что «это воспоминаніе не должно ихъ обезкураживать: оно, напротивъ, должно возбуждать въ нихъ храбрость».

Такъ что если въ оффиціальныхъ рѣчахъ и говорится съ большой настойчивостью о мирѣ, то народу, молодымъ поколѣніямъ, да и вообще всѣмъ русскимъ и французамъ подъ рукою неуклонно внушается необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны.

«Мы не думаемъ о войнѣ. Мы только заботимся о мирѣ».

Хочется спросить: qui, diable, trompe-t-on ici? (кого же, чортъ возьми, здѣсь обманываютъ?) если бы еще нужно было это спрашивать, и не было слишкомъ ясно, кто этотъ несчастный обманутый.

Обманутый этотъ, все тотъ же вѣчно обманутый, глупый рабочій народъ, тотъ самый, который своими мозолистыми руками строилъ всѣ эти и корабли, и крѣпости, и арсеналы, и казармы, и пушки, и пароходы, и пристани, и молы, и всѣ эти дворцы, залы и эстрады, и тріумфальныя арки, и набиралъ и печаталъ всѣ эти газеты и книжки, и добылъ и привезъ всѣхъ тѣхъ фазановъ, и ортолановъ, и устрицъ, и вина, которые ѣдятъ и пьютъ всѣ эти имъ же вскормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовятъ ему самыя страшныя бѣдствія; все тотъ же добрый, глупый народъ, который, оскаливая свои здоровые бѣлые зубы, зѣвалъ, по-дѣтски, наивно радуясь на всякихъ наряженныхъ адмираловъ и президентовъ, на развѣвающіеся надъ ними флаги и на фейерверки, гремящую музыку, и который не успѣетъ оглянуться, какъ уже не будетъ ни

адмираловъ, ни президентовъ, ни флаговъ, ни музыки, а будетъ только мокрое пустынное поле, холодъ, голодъ тоска, спереди убивающій непріятель, сзади неотпускающее начальство, кровь, раны, страданія, гніющіе трупы и безсмысленная, напрасная смерть.

А люди, такіе же, какъ тѣ, которые теперь празднуютъ на празднествахъ въ Тулонѣ и Парижѣ, будутъ сидѣть послѣ добраго обѣда, съ недопитыми стаканами добраго вина, съ сигарою въ зубахъ, въ темной суконной палаткѣ и булавками отмѣчать по картѣ тѣ мѣста, гдѣ надо оставить еще столько-то составленнаго изъ этого народа пушечнаго мяса для завладѣнія тѣмъ-то и тѣмъ-то укрѣпленіемъ и для пріобрѣтенія такой или другой ленточки или чина.

VI.

«Но ничего этого нѣтъ и нѣтъ никакихъ воинственныхъ замысловъ», отвѣчаютъ намъ на это. «Есть только то, что два народа, чувствующіе взаимную симпатію, другъ другу выражаютъ эти чувства. Что тутъ дурного, что представители дружественной націи были приняты съ особенной торжественностью и почетомъ представителями другой націи? Что тутъ дурного, даже если и допустить, что союзъ можетъ имѣть значеніе обороны противъ угрожающаго миру Европы опаснаго сосѣда?».

Дурно тутъ то, что все это ложь, самая очевидная и наглая, ничѣмъ не оправдываемая, злая ложь. Ложь—эта внезапно возникшая, исключи-

тельная любовь русскихъ къ французамъ и французовъ къ русскимъ; и ложь — наша подразумѣваемая подъ этимъ нелюбовь къ нѣмцамъ, недовѣріе къ нимъ. И еще большая ложь — то, что цѣль всѣхъ этихъ неприличныхъ и безумныхъ оргій есть будто бы соблюденіе европейскаго мира.

Всѣ мы знаемъ, что никакой особенной любви къ французамъ мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываемъ, точно такъ же какъ и то, что мы не испытывали и не испытываемъ никакой враждебности къ нѣмцамъ.

Намъ говорятъ, что Германія имѣетъ замыслы противъ Россіи, что тройственный союзъ угрожаетъ миру Европы и намъ, и что нашъ союзъ съ Франціей уравновѣшиваетъ силы и потому обезпечиваетъ миръ. Но вѣдь утвержденіе это такъ явно глупо, что совѣстно серьезно опровергать его. Вѣдь для того, чтобы это было такъ, т. е. чтобы союзъ обезпечивалъ миръ, нужно, чтобы силы были математически равны. Если же перевѣсъ теперь на сторонѣ франко-русскаго союза, то опасность все та-же. Еще большая: потому что, если было опасно, что Вильгельмъ, стоящій во главѣ европейскаго союза, нарушитъ миръ, то гораздо болѣе опасно, что Франція, та, которая не можетъ помириться съ потерею своихъ провинцій, сдѣлаетъ это. Вѣдь тройственный союзъ назывался лигой мира, для насъ же онъ былъ лигой войны. Точно такъ же и теперь франко-русскій союзъ не можетъ не представляться иначе, какъ тѣмъ, чѣмъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ — лигой войны.

И потомъ, если миръ зависитъ отъ равновѣсія силъ, то какъ опредѣлить тѣ единицы, между которыми должно установиться равновѣсіе? Теперь англичане говорятъ, что союзъ Россіи съ Франціей угрожаетъ имъ, и имъ потому нужно составлять новый союзъ. И на сколько именно единицъ союзовъ должна быть раздѣлена Европа, чтобы было равновѣсіе? Вѣдь если это такъ, то въ каждомъ обществѣ людей болѣе сильный человѣкъ, чѣмъ другой, уже есть опасность, и остальнымъ нужно складываться въ союзы, чтобы противодѣйствовать ему.

Спрашиваютъ: «что тутъ дурного, что Франція и Россія выразили свои взаимныя симпатіи для обезпеченія мира?» — Дурно то, что это ложь, а ложь никогда не говорится и не проходитъ даромъ.

Дьяволъ — человѣкоубійца и отецъ лжи. И ложь всегда ведетъ къ человѣкоубійству. И въ этомъ случаѣ очевиднѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Вѣдь точно такъ же, какъ и теперь, такъ и передъ турецкой войной будто бы возгорѣлась вдругъ внезапная любовь нашихъ русскихъ къ какимъ-то братьямъ славянамъ, которыхъ никто не зналъ въ продолженіе сотенъ лѣтъ, тогда какъ нѣмцы, французы, англичане всегда были и продолжаютъ быть намъ несравненно ближе и роднѣе, чѣмъ какіе-то черногорцы, сербы, болгары. И начались такіе-же восторги, пріемы и торжества, раздувавшіеся Аксаковыми и Катковыми, которыхъ поминаютъ уже теперь въ Парижѣ, какъ образцы патріотизма. Тогда, какъ и теперь, говорили только о взаимной внезапно вспыхнувшей любви между русскими и славянами. Сначала точно такъ же, какъ теперь въ Парижѣ, тогда въ Москвѣ пили, ѣли, говорили другъ другу глупости, умилялись на свои возвышенныя чувства, говорили объ едине-

нія и мирѣ и умалчивали о главномъ, о замыслахъ противъ Турціи. Газеты раздували возбужденіе; въ игру понемногу вступало правительство. Поднялась Сербія. Начались дипломатическія ноты, полуоффиціальныя статьи; газеты все болѣе и болѣе лгали, выдумывали, горячились и кончилось тѣмъ, что Александръ II, дѣйствительно не желавшій войны, не могъ не согласиться на нее, и совершилось то, что мы знаемъ: погибель сотенъ тысячъ невинныхъ людей и озвѣрѣніе и одурѣніе милліоновъ. То, что дѣлалось въ Тулонѣ и Парижѣ и теперь продолжаетъ дѣлаться въ газетахъ, очевидно ведетъ къ тому же или еще ужаснѣйшему бѣдствію. Точно такъ же сначала будутъ подъ звуки «Боже, царя храни» и «Марсельезы» пить разные генералы и министры за Францію, Россію за разные полки, арміи и флоты; будутъ печатать свое лганье газеты, будетъ праздная толпа богатыхъ людей, не знающихъ куда дѣвать свои силы и время, болтать патріотическія рѣчи, раздувая враждебность къ Германіи, и какъ бы ни былъ миролюбивъ Александръ III, сложатся такія обстоятельства, что ему нельзя будетъ отказаться отъ войны, которой будутъ требовать всѣ окружающіе его, всѣ газеты и, какъ это всегда кажется, общественное мнѣніе всего народа. И не успѣемъ мы оглянуться, какъ на столбцахъ газетъ появится обычное зловѣщее, нелѣпое провозглашеніе:

«Божьей милостью, мы, самодержавнѣйшій, великій государь всея Россіи, царь польскій, великій князь финляндскій и проч. и проч., объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, что для блага этихъ, ввѣренныхъ намъ Богомъ, любезныхъ нашихъ подданныхъ, мы сочли своей обязанностью

передъ Богомъ послать ихъ на убійство. Съ нами Богъ» и т. д.

Зазвонятъ въ колокола, одѣнутся въ золотые мѣшки долговолосые люди и начнутъ молиться за убійство. И начнется опять старое, давно извѣстное, ужасное дѣло. Засуетятся, разжигающіе людей подъ видомъ патріотизма къ ненависти и убійству, газетчики, радуясь тому, что получатъ двойной доходъ. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военныхъ припасовъ, ожидая двойныхъ барышей. Засуетятся всякаго рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чѣмъ они крадутъ обыкновенно. Засуетятся военныя начальства, получающія двойное жалованье и раціоны, и надѣющіяся получить за убійство людей различныя, высокоцѣнимыя ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звѣзды. Засуетятся праздные господа и дамы, впередъ записываясь въ красный крестъ, готовясь перевязывать тѣхъ, которыхъ будутъ убивать ихъ мужья и братья, и воображая, что они дѣлаютъ этимъ самое христіанское дѣло.

И, заглушая въ своей душѣ отчаяніе пѣснями, развратомъ и водкой, побредутъ оторванные отъ мирнаго труда, отъ своихъ женъ, матерей, дѣтей — люди, сотни тысячъ простыхъ, добрыхъ людей съ орудіями убійства въ рукахъ туда, куда ихъ погонятъ. Будутъ ходить, зябнуть, голодать, болѣть, умирать отъ болѣзней, и наконецъ придутъ къ тому мѣсту, гдѣ ихъ начнутъ убивать тысячами, и они будутъ убивать тысячами, сами не зная зачѣмъ, людей, которыхъ они никогда не видали, которые имъ ничего не сдѣлали и не могутъ сдѣлать дурного.

И когда наберется столько больныхъ, раненыхъ и убитыхъ, что некому будетъ уже подбирать ихъ, и когда воздухъ уже такъ заразится этимъ гніющимъ пушечнымъ мясомъ, что непріятно сдѣлается даже и начальству, тогда остановятся на время, кое-какъ подберутъ раненыхъ, свезутъ, свалятъ кучами куда попало больныхъ, а убитыхъ зароютъ, посыпавъ ихъ известкой, и опять поведутъ всю толпу обманутыхъ еще дальше, и будутъ водить ихъ такъ до тѣхъ поръ, пока это не надоѣстъ тѣмъ, которые затѣяли все это, или пока тѣ, которымъ это было нужно, не получатъ всего того, что имъ было нужно.

И опять одичаютъ, остервенѣютъ, озвѣрѣютъ люди и уменьшится въ мірѣ любовь, и наступившее уже охристіаненіе человѣчества отодвинется опять на десятки, сотни лѣтъ. И опять тѣ люди, которымъ это выгодно, съ увѣренностью станутъ говорить, что если была война, то это значитъ то, что она необходима, и опять станутъ готовить къ этому будущія поколѣнія, съ дѣтства развращая ихъ.

VII.

И потому, когда являются такія патріотическія проявленія, какъ тулонскія празднества, хотя и издалека какъ-будто, но уже впередъ связывающія волю людей и обязывающія ихъ къ тѣмъ обычнымъ злодѣйствамъ, которыя всегда вытекаютъ изъ патріотизма, всякій, понимающій значеніе этихъ празднествъ, не можетъ не протестовать противъ всего того, что молчаливо включено въ нихъ. И потому, когда господа журналисты печа-

таютъ, что всѣ русскіе сочувствуютъ тому, что дѣлалось въ Кронштадтѣ, Тулонѣ и Парижѣ, что этотъ союзъ на жизнь и смертъ закрѣпленъ волею всего народа, и когда русскій министръ просвѣщенія увѣряетъ французскихъ министровъ, что вся его команда—русскія дѣти, ученые и писатели раздѣляютъ его чувства, или когда начальникъ русской эскадры увѣряетъ французовъ, что вся Россія будетъ признательна имъ за ихъ пріемъ, и когда протопресвитеры отвѣчаютъ за своихъ пасомыхъ и увѣряютъ, что молитвы французовъ за жизнь августѣйшаго дома радостно отозвались въ сердцахъ русскаго *царелюбиваго* народа, и когда русскій посланникъ въ Парижѣ, считающійся представителемъ русскаго народа, говоритъ послѣ блюда ortolans à la soubise et logopédes glacées съ бокаломъ шампанскаго grand Moët въ рукѣ, что всѣ русскія сердца бьются въ унисонъ съ его сердцемъ, преисполненнымъ внезапной и исключительной любовью къ прекрасной Франціи (la belle France),—то мы, свободные отъ одурѣнія люди, считаемъ своей священной обязанностью не только за себя, но и за десятки милліоновъ русскихъ людей, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ этого и заявить, что сердца наши не бьются въ унисонъ съ сердцами г-дъ журналистовъ, министровъ просвѣщенія, начальниковъ эскадръ, протопресвитеровъ и пословъ, а напротивъ переполняются негодованіемъ и омерзѣніемъ къ той вредной лжи и тому злу, которыя они сознательно или безсознательно распространяютъ своими поступками и рѣчами. Пускай они пьютъ Moët, сколько имъ угодно, и пишутъ статьи и произносятъ рѣчи отъ себя и за себя, но мы, всѣ христіане, сознающіе себя

таковыми, не можемъ допустить того, что все то, что говорятъ и пишутъ эти люди, связываетъ насъ. Не можемъ допустить этого потому, что мы знаемъ, что кроется подъ всѣми этими пьяными восторгами, рѣчами и объятіями, похожими не на закрѣпленіе мира, какъ увѣряютъ насъ, а скорѣе на тѣ оргіи и пьянства, которымъ предаются злоумышленники, готовясь на совмѣстное преступленіе.

VIII.

Года четыре тому назадъ,—первая ласточка тулонской весны—одинъ извѣстный французскій агитаторъ въ пользу войны съ Германіей пріѣзжалъ въ Россію для подготовленія франко-русскаго союза и былъ у насъ въ деревнѣ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ то время, какъ мы работали на покосѣ. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились съ гостемъ, и онъ тотчасъ же разсказалъ намъ, какъ онъ воевалъ, былъ въ плѣну, бѣжалъ изъ него, и какъ далъ себѣ патріотическій обѣтъ, которымъ онъ очевидно гордился: не перестать агитировать для войны противъ Германіи до тѣхъ поръ, пока не возстановится цѣлость и слава Франціи.

Въ нашемъ кругу всѣ убѣжденія нашего гостя о томъ, какъ необходимъ союзъ Россіи съ Франціей для возстановленія прежнихъ границъ Франціи и ея могущества и славы и для обезпеченія насъ отъ зловредныхъ замысловъ Германіи не имѣли успѣха. На доводы его о томъ, что Франція не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не вернетъ отнятыхъ провинцій, мы отвѣчали, что точно также Пруссія не можетъ успокоиться, пока

не отплатила за Іену и что, если реваншъ французовъ теперь будетъ удачный, нѣмцамъ надо будетъ опять отплачивать, и такъ безъ конца.

На доводы его, что французы обязаны спасти оторванныхъ отъ себя братьевъ, мы отвѣчали, что положеніе жителей, большинства жителей, рабочихъ жителей Эльзасъ-Лотарингіи подъ властью Германіи едва ли въ чемъ-нибудь стало хуже того, въ которомъ они были подъ властью Франціи, и что изъ-за того, что нѣкоторымъ эльзасцамъ пріятнѣе числиться за Франціей, чѣмъ за Германіей, изъ-за того, что ему, нашему гостю, желательно возстановить славу французскаго оружія, никакъ не стоитъ не только начинать тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя произойдутъ отъ войны, но нельзя пожертвовать даже и одной человѣческой жизнью.

На доводы же его о томъ, что хорошо намъ говорить такъ, когда мы не испытали того же, но что мы заговорили бы иначе, если бы у насъ отняты были Остзейскія провинціи, Польша, мы отвѣчали: что даже съ точки зрѣнія государственной, отнятіе у насъ Польши, Остзейскихъ провинцій никакъ не можетъ быть для насъ бѣдствіемъ, а скорѣе можетъ считаться благомъ, такъ какъ оно уменьшило бы потребность военной силы и государственныхъ расходовъ; съ точки же зрѣнія христіанской мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить войны, такъ какъ война требуетъ убійства людей, а христіанство не только запрещаетъ всякое убійство, но требуетъ благотворенія всѣмъ людямъ, считая всѣхъ братьями безъ различія народностей. Христіанское государство, говорили мы, вступающее въ войну, для того, чтобы быть послѣ-

довательнымъ, должно не только снять кресты съ церквей, самыя церкви обратить въ помѣщенія для другихъ цѣлей, духовенству дать другія должности и главное запретить Евангеліе,—но должно отречься отъ всѣхъ требованій нравственности, которыя вытекаютъ изъ христіанскаго закона. C'est à prendre ou à laisser, говорили мы. До тѣхъ же поръ, пока не будетъ уничтожено христіанство, привлекать людей къ войнѣ можно будетъ только хитростью и обманомъ, какъ это и дѣлается теперь. Мы же видимъ эту хитрость и обманъ и потому не можемъ поддаться имъ. Такъ какъ при этомъ не было музыки, шампанскаго, ничего одурманивающаго насъ, то нашъ гость только пожималъ плечами и съ свойственной французамъ любезностью говорилъ, что онъ очень благодаренъ за тотъ радушный пріемъ, который онъ получилъ въ нашемъ домѣ, но очень сожалѣетъ о томъ, что мысли его не получили того же.

IX.

Послѣ этой бесѣды мы пошли на покосъ и тамъ онъ, надѣясь найти въ народѣ больше сочувствія своимъ мыслямъ, попросилъ меня перевести старому уже, болѣзненному, съ огромной грыжей и все-таки затяжному въ трудѣ мужику, нашему товарищу по работѣ, крестьянину Прокопію, свой планъ воздѣйствія на нѣмцевъ, состоящій въ томъ, чтобы съ двухъ сторонъ сжать находящагося въ серединѣ между русскими и французами нѣмца. Французъ въ лицахъ представилъ это Прокопію, своими бѣлыми пальцами прикасаясь съ обѣихъ сторонъ къ потной посконной рубахѣ Прокопія. Помню добродушно насмѣшливое удивленіе Прокопія, когда я объяснилъ ему слова и жестъ француза. Предложеніе о сжатіи нѣмца съ двухъ сторонъ Прокопій очевидно принялъ за шутку, не допуская мысли о томъ, чтобы взрослый и ученый человѣкъ могъ съ спокойнымъ духомъ и въ трезвомъ состояніи говорить о томъ, чтобы желательно было воевать.

— Что же, какъ мы его съ обѣихъ сторонъ зажмемъ, — сказалъ онъ, отвѣчая шуткой, какъ онъ думалъ, на шутку.— Ему и податься некуда будетъ, надо ему тоже просторъ дать.

Я перевелъ этотъ отвѣтъ моему гостю.

— «Dites lui que nous aimons les Russes» («скажите ему, что мы любимъ русскихъ». *Ред.*), сказалъ онъ. Слова эти поразили Прокопія, очевидно, еще болѣе, чѣмъ предложеніе о сжатіи нѣмца, и вызвали нѣкоторое чувство подозрѣнія.

— «Чей же онъ будетъ?» спросилъ меня Прокопій, съ недовѣріемъ, указывая головой на моего гостя. Я сказалъ, что онъ французъ, богатый человѣкъ.

— «Что же онъ по какому дѣлу?» спросилъ Прокопій. Когда я ему объяснилъ, что онъ пріѣхалъ для того, чтобы, вызвать русскихъ на союзъ съ Франціей въ случаѣ войны съ нѣмцами, Прокопій очевидно остался вполнѣ недоволенъ и обратившись къ бабамъ, сидѣвшимъ у копны, строгимъ голосомъ, невольно выражавшимъ чувства, вызванныя въ немъ этимъ разговоромъ, крикнулъ на нихъ, чтобы они заходили сгребать въ копны недогребенное сѣно.

«Ну, вы, вороны, задремали. Заходи.—Пора тутъ нѣмца жать. Вонъ еще покосъ не убрали,

а похоже, что съ середы жать пойдутъ», сказалъ онъ. И потомъ, какъ-будто боясь оскорбить такимъ замѣчаніемъ пріѣзжаго чужого человѣка, онъ прибавилъ, оскаливая въ добрую улыбку свои до половины съѣденные зубы: «Приходи лучше съ нами работать, да и нѣмца присылай. А отработаемся, гулять будемъ. И нѣмца возьмемъ. Такіе же люди». И, сказавъ это, Прокопій вынулъ свою жилистую руку изъ развалины вилъ, на которыя онъ опирался, вскинулъ ихъ на плечи и пошелъ къ бабамъ.

— «Oh, le brave homme!» («О, добрый человѣкъ!» Ред.) воскликнулъ смѣясь, учтивый французъ. И на этомъ закончилъ тогда свою дипломатическую миссію къ русскому народу.

Видъ этихъ двухъ столь противоположныхъ другъ другу людей—сіяющаго свѣжестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитаннаго француза въ цилиндрѣ и длинномъ, тогда самомъ модномъ пальто, своими нерабочими бѣлыми руками энергически показывающаго въ лицахъ, какъ надо сжать нѣмцевъ,—и видъ шершаваго, съ трухой въ волосахъ, высохшаго отъ работы, загорѣлаго, всегда усталаго и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающаго Прокопія съ своими распухшими отъ работы пальцами, въ его спущенныхъ домашнихъ порткахъ, разбитыхъ лаптяхъ, шагающаго съ огромной навилиной сѣна на плечѣ той не лѣнивой, но экономной на движенія походкой, которой движется всегда рабочій человѣкъ,—видъ этихъ двухъ столь противоположныхъ другъ другу людей очень многое уяснилъ мнѣ тогда и живо вспомнился мнѣ теперь, послѣ Тулоно-Парижскихъ празднествъ. Одинъ изъ нихъ олицетво-

рялъ всѣхъ тѣхъ вскормленныхъ трудами народа людей, которые употребляютъ потомъ этотъ народъ какъ пушечное мясо; Прокопій же—то самое пушечное мясо, которое вскармливаетъ и обезпечиваетъ тѣхъ людей, которые имъ распоряжаются.

X.

«Но у французовъ отняты двѣ провинціи, отторгнуты дѣти отъ любимой матери. Но Россія не можетъ потерпѣть того, чтобы Германія предписывала ей законы и лишала ее ея историческаго призванія на востокѣ,—не можетъ допустить возможности отнятія у нея, какъ у французовъ, ея провинцій: Остзейскаго края, Польши, Кавказа. Но Германія не можетъ допустить возможности потери тѣхъ преимуществъ, которыя она пріобрѣла такими жертвами. Но Англія не можетъ никому уступить своего морского преобладанія». И, сказавъ такія слова, обыкновенно, предполагается, что французъ, и русскій, и нѣмецъ, и англичанинъ должны быть готовы жертвовать всѣмъ для возвращенія отнятыхъ провинцій, утвержденія своего вліянія на востокѣ, соблюденія своего единства и могущества, владычества надъ морями и т. п.

Предполагается, что чувство патріотизма есть во-первыхъ—чувство всегда свойственное всѣмъ людямъ, а во-вторыхъ—такое высокое нравственное чувство, что, при отсутствіи его, должно быть возбуждаемо въ тѣхъ, которые не имѣютъ его. Но вѣдь ни то, ни другое не справедливо. Я прожилъ полвѣка среди русскаго народа и въ большой массѣ настоящаго русскаго народа, въ

продолженіе всего этого времени, ни разу не видалъ и не слышалъ проявленія или выраженія этого чувства патріотизма, если не считать тѣхъ заученыхъ на солдатской службѣ или повторяемыхъ изъ книгъ патріотическихъ фразъ самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слыхалъ отъ народа выраженій чувствъ патріотизма, но напротивъ безпрестанно отъ самыхъ серьезныхъ, почтенныхъ людей народа слышалъ выраженія совершеннаго равнодушія и даже презрѣнія ко всякаго рода проявленіямъ патріотизма. То же самое я наблюдалъ и въ рабочемъ народѣ другихъ государствъ и тоже подтверждали мнѣ не разъ образованные французы, нѣмцы и англичане о своемъ рабочемъ народѣ.

Рабочій народъ слишкомъ занятъ поглощающимъ все его вниманіе дѣломъ поддержанія жизни, себя и своей семьи, чтобы онъ могъ интересоваться тѣми политическими вопросами, которые представляются главнымъ мотивомъ патріотизма: вопросы вліянія Россіи на Востокъ, объ единствѣ Германіи, или возвращеніи Франціи отнятыхъ провинцій, или уступки той или другой части одного государства другому и т. п., не интересуютъ его не только потому, что онъ никогда почти не знаетъ тѣхъ условій, при которыхъ возникаютъ эти вопросы, но и потому, что интересы его жизни совершенно независимы отъ государственныхъ, политическихъ интересовъ. Человѣку изъ народа всегда совершенно все равно, гдѣ проведутъ какую границу и кому будетъ принадлежать Константинополь, будетъ или не будетъ Саксонія или Брауншвейгъ членомъ Германскаго союза, и будетъ ли Англіи принадлежать Австралія или земля Матебело, и даже какому правительству ему придется платить подать и въ чье войско отдавать своихъ сыновъ; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить въ военной службѣ, долго ли платить за землю, и много ли получать за работу — все вопросы совершенно независимые отъ общихъ государственныхъ политическихъ интересовъ. Оттого-то и происходитъ то, что несмотря на всѣ усиленныя средства, употребляемыя правительствами для привитія народамъ несвойственнаго имъ патріотизма и подавленія въ народахъ развивающихся въ нихъ идей соціализма, — соціализмъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ народныя массы, а патріотизмъ, такъ старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народомъ, но все болѣе и болѣе исчезаетъ и держится только въ высшихъ классахъ, которымъ онъ выгоденъ. Если же и бываетъ, что патріотизмъ захватываетъ иногда народную толпу, какъ это было теперь въ Парижѣ, то это бываетъ только тогда, когда толпа эта подвергается усиленному гипнотическому воздѣйствію правительствъ и правящихъ классовъ, и держится патріотизмъ въ народѣ только до тѣхъ поръ, пока продолжается это воздѣйствіе.

Такъ, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ патріотизмъ въ видѣ любви и преданности къ вѣрѣ, царю и отечеству съ необыкновенной напряженностью всѣми находящимися въ рукахъ правительства орудіями: церкви, школы, печати и всякой торжественности, прививается народу, русскій рабочій человѣкъ — сто милліоновъ русскаго народа, несмотря на ту незаслуженную репутацію, которую ему сдѣлали, народа особенно преданнаго своей

вѣрѣ, царю и отечеству, есть народъ самый свободный отъ обмана патріотизма и отъ преданности вѣрѣ, царю и отечеству. Вѣры своей, той православной, государственной, которой онъ будто бы такъ преданъ, онъ большей частью не знаетъ, а какъ только узнаетъ, бросаетъ ее и становится раціоналистомъ, т. е. принимаетъ такую вѣру, на которую нападать и которую защищать нельзя; къ царю своему, несмотря на непрестанныя, усиленныя внушенія въ этомъ направленіи, онъ относится, какъ ко всѣмъ насильственнымъ властямъ, если не съ осужденіемъ, то съ совершеннымъ равнодушіемъ, отечества же своего, если не разумѣть подъ этимъ свою деревню, волость, онъ или совершенно не знаетъ, или, если знаетъ, то не дѣлаетъ между нимъ и другими государствами никакого различія. Такъ что, какъ прежде русскіе переселенцы шли въ Австрію, въ Турцію, такъ и теперь они селятся совершенно безразлично въ Россіи, внѣ Россіи, въ Турціи, или въ Китаѣ.

XI.

Мой старый другъ Д., живя зимой одинъ въ деревнѣ, въ то время какъ жена его, которую онъ изрѣдка навѣщалъ тамъ, жила въ Парижѣ, по длиннымъ осеннимъ вечерамъ часто бесѣдовалъ съ безграмотнымъ, но очень умнымъ и почтеннымъ мужикомъ—старостой, приходившимъ по вечерамъ съ докладомъ, и пріятель мой разсказывалъ ему между прочимъ и о преимуществахъ французскаго государственнаго порядка передъ нашимъ. Это было наканунѣ послѣдняго польскаго возстанія и вмѣшательства французскаго правительства въ наши дѣла. Патріотическія русскія газеты тогда возгорѣлись негодованіемъ къ такому вмѣшательству, такъ разожгли правящіе классы, что положеніе было очень напряженное, и у насъ заговорили о войнѣ съ Франціей.

Пріятель мой, начитавшись газетъ, разсказалъ старостѣ и про эти отношенія между Россіей и Франціей. Подчиняясь настроенію газетъ, пріятель мой говорилъ, что если будетъ война (онъ былъ старый военный), онъ пойдетъ на службу и будетъ воевать съ Франціей. Тогда реваншъ французамъ казался нужнымъ, патріотическимъ русскимъ за Севастополь.

«Зачѣмъ же намъ воевать?» — спросилъ староста.

— Да какъ же позволить Франціи распоряжаться у насъ.

«Да вѣдь вы сами говорите, что у нихъ лучше нашего устроено, — сказалъ староста совершенно серьезно. — Пускай бы они такъ у насъ устроили».

И пріятель мой разсказывалъ мнѣ, что разсужденіе это такъ поразило его, что онъ рѣшительно не зналъ, что отвѣтить, и только засмѣялся, какъ смѣются люди, проснувшись отъ обманчиваго сна.

Такія же сужденія можно услыхать отъ всякаго трезваго русскаго рабочаго человѣка, если только онъ не находится подъ гипнотическимъ вліяніемъ правительства. Говорятъ о любви русскаго народа къ своей вѣрѣ, царю и отечеству, а между тѣмъ не найдется въ Россіи ни одного общества крестьянъ, которое бы на минуту задумалось о томъ, что ему выбрать изъ двухъ предстоящихъ мѣстъ поселенія: одно въ Россіи съ русскимъ батюшкой-царемъ, какъ это пишетъ въ

книжкахъ, и святой вѣрой православной въ своемъ обожаемомъ отечествѣ, но съ меньшей и худшей землей, или безъ батюшки бѣлаго царя и безъ православной вѣры гдѣ-либо внѣ Россіи, въ Пруссіи, Китаѣ, Турціи, Австріи, но съ нѣсколько большими и лучшими угодіями, что мы и видѣли прежде и видимъ теперь. Для всякаго русскаго крестьянина вопросъ о томъ, подъ чьимъ они будутъ правительствомъ (такъ какъ онъ знаетъ, что подъ чьимъ бы онъ ни былъ, одинаково будутъ обирать его), имѣетъ несравненно меньше значенія, чѣмъ вопросъ — не скажу уже: хороша ли вода, но — мягка ли глина и хорошо ли родится капуста.

Но можно подумать, что равнодушіе русскихъ происходитъ отъ того, что всякое правительство, подъ власть котораго они перейдутъ, будетъ навѣрно лучше русскаго, потому что въ Европѣ нѣтъ ни одного хуже его; но это не такъ: сколько мнѣ извѣстно, то же самое мы видѣли на переселенцахъ англичанахъ, голландцахъ, нѣмцахъ, переселяющихся въ Америку, всякихъ другихъ народностяхъ, переселяющихся въ Россію.

Переходы европейскихъ народовъ изъ подъ власти одного правительства подъ власть другого: изъ подъ турецкаго подъ австрійское или изъ подъ французскаго подъ германское, такъ мало измѣняютъ положеніе народа, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ вызвать никакого недовольства въ рабочемъ народѣ, если онъ только не будетъ искусственно подчиненъ внушеніямъ правительствъ и правящихъ классовъ.

XII.

Обыкновенно въ доказательство существованія патріотизма приводятъ проявленія патріотическихъ чувствъ въ народѣ во время различныхъ торжествъ, какъ напримѣръ, въ Россіи во время коронаціи или встрѣчи царя послѣ крушенія 17 октября, или во Франціи во время объявленія войны Пруссіи, или въ Германіи во время торжествъ побѣды, или во время франко-русскихъ празднествъ.

Но вѣдь надо знать, какъ подготовляются эти манифестаціи. Въ Россіи, напримѣръ, при каждомъ проѣздѣ государя наряжаются отъ крестьянскихъ обществъ и съ фабрикъ люди для встрѣчъ и привѣтствій царя.

Восторги толпы большею частью искусственно приготовляются тѣми, кому они нужны, и степень восторга, выражаемая толпой, показываетъ только степень искусства учредителей этихъ восторговъ. Дѣло это практикуется давно и потому спеціалисты - учредители этихъ восторговъ дошли въ приготовленіяхъ ихъ до высокой виртуозности. Когда Александръ II былъ еще наслѣдникомъ и командовалъ, какъ это обыкновенно дѣлается Преображенскимъ полкомъ, онъ разъ послѣ обѣда пріѣхалъ въ полкъ, стоявшій въ лагерѣ. Только что показалась его коляска, солдаты, какъ были въ однихъ рубахахъ, выбѣжали ему на встрѣчу и съ такимъ восторгомъ встрѣтили, какъ это пишется, своего августѣйшаго командира, что всѣ взапуски бѣжали за коляской и многіе изъ нихъ на бѣгу крестились, глядя на наслѣдника. Всѣ тѣ, кто видѣли эту встрѣчу, были умилены этой наивной

преданностью и любовью русскаго солдата къ царю и его наслѣднику и тѣмъ непритворнымъ религіознымъ и очевидно неподготовленнымъ восторгомъ, который выражался въ лицахъ, въ движеніяхъ, и въ особенности въ крестныхъ знаменіяхъ солдатъ. А между тѣмъ все это было сдѣлано искусственно и приготовлено слѣдующимъ образомъ: послѣ смотра, накануне, наслѣдникъ сказалъ бригадному командиру, что онъ заѣдетъ завтра.

— «Когда ожидать ваше императорское высочество?».

«Должно быть вечеромъ. Только, пожалуйста, чтобъ не было приготовленій». Какъ только наслѣдникъ уѣхалъ, бригадный командиръ созвалъ ротныхъ командировъ и распорядился, чтобы на завтрашній день всѣ солдаты были въ чистыхъ рубахахъ, и какъ только завидятъ коляску наслѣдника, которую должны ждать махальные, — чтобы всѣ бѣжали, какъ попало, на встрѣчу и съ криками «ура» бѣжали бы за коляской, при этомъ, чтобы каждый десятый человѣкъ въ ротѣ бѣжалъ и крестился. Фельдфебеля выстроили роты и, считая по одному, останавливались на десятомъ: «разъ, два, три... восемь, девять, десять, Сидоренко — крестится; разъ, два, три, четыре... Ивановъ крестится...» И все было исполнено по приказанію, и впечатлѣніе восторга произведено было полное и на наслѣдника, и на всѣхъ присутствующихъ, и даже на солдатъ и офицеровъ, и даже на бригаднаго командира, который самъ все это выдумалъ. Точно также, хотя менѣе грубо, дѣлается это и вездѣ, гдѣ есть патріотическія манифестаціи. Такъ, франко-русскія празднества, которыя представляются намъ какъ произвольныя выраженія чувства

народа, произошли не сами собой, а были напротивъ очень искусственно и довольно видно подготовлены и вызваны французскимъ правительствомъ.

«Какъ только сталъ извѣстенъ пріѣздъ русскихъ моряковъ, такъ тотчасъ же», я цитирую опять изъ того же «Сельскаго Вѣстника», правительственнаго органа, собирающаго свои свѣдѣнія изъ всѣхъ другихъ газетъ: «не только во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ, лежащихъ на довольно длинномъ пути между Тулономъ и Парижемъ, но и во множествѣ городовъ и селеній, лежащихъ совсѣмъ въ сторонѣ на далекомъ разстояніи, — начали составляться комитеты для устройства празднествъ. Открылся повсюду сборъ пожертвованій на расходы по этимъ празднествамъ. Многіе города посылали депутаціи въ Парижъ къ нашему императорскому послу съ просьбами, чтобы русскіе моряки посѣтили эти города хоть на одинъ день, даже хоть на одинъ часъ. Городскія управленія всѣхъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ указано побывать нашимъ морякамъ, назначили огромныя суммы, болѣе чѣмъ по 100 тысячъ рублей на устройство различныхъ празднествъ и увеселеній, и изъявили готовность израсходовать на это еще большія суммы, сколько потребуется, лишь бы встрѣча и празднества вышли какъ можно великолѣпнѣе.

«Въ самомъ Парижѣ, кромѣ суммы на этотъ предметъ, отпущенной отъ городского управленія, еще собрана большая сумма по частной подпискѣ частнымъ комитетомъ тоже на устройство увеселеній, и французское правительство ассигновало болѣе 100 тысячъ рублей на расходы для чествова-

нія русскихъ гостей министрами и другими властями. Во многихъ городахъ, гдѣ наши моряки вовсе не покажутся, все-таки рѣшено устроить 1-го октября разныя празднества въ честь Россіи. Множество городовъ и провинцій рѣшили послать въ Тулонъ или Парижъ особыя депутаціи привѣтствовать русскихъ гостей и поднести имъ подарки на память о Франціи, или послать имъ привѣтственные адресы и телеграммы. Рѣшено повсюду день 1-го октября считать народнымъ праздникомъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній освободить отъ ученія на этотъ день, а въ Парижѣ на два дня. Штрафнымъ нижнимъ чинамъ рѣшено простить ихъ провинности, чтобы они съ благодарностью вспоминали радостный день для Франціи — день 1-го октября.

Для облегченія желающимъ изъ публики посѣтить Тулонъ и участвовать въ встрѣчѣ русской эскадры, желѣзныя дороги понизили плату на половину и снаряжали особые поѣзда не въ очередь».

И вотъ когда цѣлымъ рядомъ повсемѣстныхъ одновременныхъ мѣръ, которыя, благодаря находящейся въ его рукахъ власти, всегда можетъ принять правительство, нѣкоторая часть народа, преимущественно пѣна народная, городская толпа, приведена въ ненормально-возбужденное состояніе, говорятъ: смотрите, это произвольное выраженіе воли всего народа. Такія манифестаціи, какъ тѣ, которыя происходили теперь въ Тулонѣ и Парижѣ, которыя происходятъ въ Германіи при встрѣчѣ императора или Бисмарка, или при маневрахъ въ Лотарингіи и постоянно повторяющіяся въ Россіи при всякихъ торжественно обставленныхъ встрѣ-

чахъ, доказываетъ только то, что средства искусственнаго возбужденія народа, находящіяся теперь въ рукахъ правительствъ и правящихъ классовъ, такъ могущественны, что правительства и правящіе классы, обладающіе ими, всегда могутъ по произволу вызвать какую они хотятъ патріотическую манифестацію проявленіемъ патріотическихъ чувствъ народа. Ничто, напротивъ, не доказываетъ съ такою очевидностью отсутствіе патріотизма въ народахъ, какъ именно тѣ напряженныя усилія, которыя употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственнаго возбужденія его, и тѣ малые результаты, которые получаются, несмотря на всѣ эти усилія.

Если патріотическія чувства такъ свойственны народамъ, то оставили бы ихъ свободно проявляться, а не возбуждали бы ихъ всѣми возможными и постоянными и исключительными искусственными средствами. Пусть бы хоть на время, на годъ, перестали бы въ Россіи, какъ это дѣлаютъ теперь, при вступленіи всякаго царя во власть, заставлять весь народъ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службѣ по нѣсколько разъ торжественно произносить обычныя молитвы за царя, перестали бы праздновать съ колокольнымъ звономъ, иллюминаціей и запретомъ работать дни его рожденія и имянинъ, перестали бы вывѣшивать и выставлять вездѣ его изображенія, перестали бы въ молитвенникахъ, календаряхъ, учебникахъ печатать огромными буквами имя его и семьи и даже мѣстоименія, относящіяся къ нимъ; перестали бы въ особыхъ книжкахъ и газетахъ, только для этого назначенныхъ, возвеличивать его; перестали бы судить и сажать въ тюрьмы за малѣйшее неуважительное

слово, сказанное о царѣ, — перестали бы хоть на время это дѣлать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, Прокопію, старостѣ Ивану и всѣмъ людямъ русскаго народа, какъ въ этомъ увѣряютъ народъ и увѣрены иностранцы, обожать царя, который тѣмъ или другимъ способомъ отдаетъ ихъ въ руки помѣщика и вообще богатыхъ. Такъ это въ Россіи, но пусть точно также перестанутъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, Америкѣ дѣлать все то, что точно такъ же напряженно дѣлается и тамъ правящими классами для возбужденія патріотизма и преданности и покорности существующему правительству, и тогда мы увидали бы, насколько свойственъ этотъ воображаемый патріотизмъ народамъ нашего времени.

А то съ дѣтства всѣми возможными средствами — школьными учебниками, церковными службами, проповѣдями, рѣчами, книгами, газетами, стихами, памятниками — все въ одномъ и томъ же направленіи одурятъ народъ, потомъ соберутъ насильно или подкупомъ нѣсколько тысячъ народа и когда эти собравшіяся тысячи, къ которымъ пристанутъ еще всѣ зѣваки, которые всегда рады присутствовать при всякомъ зрѣлищѣ, и когда вся эта толпа при звукахъ стрѣльбы изъ пушекъ, музыки и при видѣ всякаго блеска и свѣта начнетъ кричать то, что прокричатъ передъ ней, намъ говорятъ, что это выраженіе чувствъ всего народа. Но во-1-хъ, эти тысячи, ну, много десятки тысячъ людей, которые кричатъ что-то при такихъ торжествахъ, составляютъ одну крошечную десятитысячную часть всего народа; во-2-хъ, изъ этихъ десятковъ тысячъ кричащихъ и махающихъ

шапками людей, большая половина, если не согнана насильно, какъ у насъ въ Россіи, то искусственно вызвана какой-нибудь приманкой; въ 3-хъ, изъ всѣхъ этихъ тысячъ едва ли есть десятки, которые знаютъ въ чемъ дѣло, и точно такъ же кричали бы и махали шапками, если бы происходило совершенно противное тому, что происходитъ; и въ 4-хъ, тутъ же присутствуетъ полиція, которая сейчасъ же заставитъ замолчать и заберетъ всѣхъ тѣхъ, которые закричатъ не то, чего хочетъ и требуетъ правительство, какъ это усиленно дѣлалось во время франко-русскихъ празднествъ.

Во Франціи одинаково восторженно привѣтствовали войну съ Россіей при Наполеонѣ I, и потомъ Александра I, того, противъ кого велась война, и потомъ опять Наполеона и опять союзниковъ, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а въ Россіи одинаково восторженно привѣтствуютъ нынче Петра, завтра Екатерину, послѣ завтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергскаго, братьевъ славянъ, прусскаго короля и французскихъ моряковъ, и всѣхъ тѣхъ, кого начальство захочетъ привѣтствовать. Точно то же самое происходитъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи, Италіи.

То, что называется патріотизмомъ въ наше время, есть только съ одной стороны извѣстное настроеніе, постоянно производимое и поддерживаемое въ народахъ школой, религіей, подкупной прессой въ нужномъ для правительства направленіи, съ другой — временное, производимое исключительными средствами правящими классами, возбужденіе низшихъ по нравственному и умствен-

ному даже уровню людей народа, которое выдается потомъ за постоянное выраженіе воли всего народа. Патріотизмъ угнетенныхъ народностей не составляетъ изъ этого исключенія. Онъ точно также несвойственъ рабочимъ массамъ, а искусственно прививается имъ высшими классами.

XIII.

«Но если люди народа не испытываютъ чувства патріотизма, то это происходитъ отъ того, что они не доросли еще до этого высокаго и свойственнаго всякому образованному человѣку чувства. Если они не испытываютъ этого высокаго чувства, то надо его воспитать въ нихъ. Это самое и дѣлаетъ правительство».

Такъ говорятъ обыкновенно люди правящихъ классовъ съ такой полной увѣренностью въ томъ, что патріотизмъ есть высокое чувство, что наивные люди изъ народа, не испытывающіе этого чувства, признаютъ себя виновными въ томъ, что они не испытываютъ этого чувства, стараются увѣрить себя, что они испытываютъ его или хотя притворяются въ этомъ.

Но что же это высокое чувство, которое, по мнѣнію правящихъ классовъ, должно быть воспитываемо въ народахъ?

Чувство это есть, въ самомъ точномъ опредѣленіи своемъ, ничто иное, какъ предпочтеніе своего государства или народа всякому другому государству и народу, чувство, вполнѣ выражаемое нѣмецкой патріотической пѣсней: «Deutschland, Deutschland über alles» *), въ которую стоитъ только вмѣсто Deutschland вставить Russland, Frankreich, Italien или N. N., какое-либо другое государство, и будетъ самая ясная формула высокаго чувства патріотизма. Очень можетъ быть, что чувство это очень желательно и полезно для правительствъ и для цѣльности государства, но нельзя не видѣть, что чувство это вовсе не высокое, а, напротивъ, очень глупое и очень безнравственное: глупое потому, что если каждое государство будетъ считать себя лучше всѣхъ другихъ, то очевидно, что всѣ они будутъ неправы, и безнравственно потому, что оно неизбѣжно влечетъ всякаго человѣка, испытывающаго его, къ тому, чтобы пріобрѣсти выгоды для своего государства и народа въ ущербъ другимъ государствамъ и народамъ, — влеченіе прямо противоположное основному, признаваемому всѣми нравственному закону: не дѣлать другому и другимъ, чего бы не хотѣли, чтобы намъ дѣлали.

Патріотизмъ могъ быть добродѣтелью въ древнемъ мірѣ, когда онъ требовалъ отъ человѣка служенія наивысшему — доступному человѣку того времени — идеалу отечества. Но какъ же можетъ быть патріотизмъ добродѣтелью въ наше время, когда онъ требуетъ отъ людей прямо противоположнаго тому, что составляетъ идеалъ нашей религіи и нравственности, — не признанія равенства и братства всѣхъ людей, а признанія одного государства и народности преобладающими надъ всѣми остальными. Но мало того, что чувство это въ наше время

*) „Германія, Германія выше всѣхъ.“ Названіе нѣмецкой національной пѣсенки. Ред.

уже не только не есть добродѣтель, но несомнѣнный порокъ; чувства этого, т.-е. патріотизма въ истинномъ его смыслѣ, въ наше время и не можетъ быть, потому что нѣтъ для него ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ основаній.

Патріотизмъ могъ имѣть смыслъ въ древнемъ мірѣ, когда каждый народъ болѣе или менѣе однородный по своему составу, исповѣдующій одну и ту же государственную религію и, подчиняясь одной неограниченной власти своего верховнаго, обоготворяемаго владыки, представлялся самъ себѣ какъ бы островомъ среди постоянно стремящагося залить его океана варваровъ.

Понятно, что при такомъ положеніи, патріотизмъ, т.-е. желаніе отстоять отъ нападенія варваровъ, не только готовыхъ разрушить общественный порядокъ, но угрожающихъ разграбленіями и поголовными убійствами, и плѣненіемъ, и обращеніемъ въ рабство мужчинъ, и изнасилованіемъ женщинъ, было чувствомъ естественнымъ, и понятно, что человѣкъ, для избавленія себя и своихъ соотечественниковъ отъ такихъ бѣдъ, могъ предпочитать свой народъ всѣмъ другимъ и испытывать враждебное чувство къ окружающимъ его варварамъ и убивать ихъ, чтобы защитить свой народъ.

Но какое же значеніе можетъ имѣть это чувство въ наше христіанское время? На какомъ основаніи и для чего можетъ человѣкъ нашего времени, русскій пойти и убивать французовъ, нѣмцевъ, или французъ нѣмцевъ, когда онъ знаетъ очень хорошо, какъ бы онъ ни былъ мало образованъ, что люди другого государства и народъ, къ которому возбуждается его патріотическая враждебность, не варвары, а точно такіе же люди — христіане, какъ и онъ, часто

даже одной съ нимъ вѣры и исповѣданія, точно такъ же какъ и онъ желающіе только мира и мирнаго обмѣна труда и, кромѣ того, еще большею частью связанные съ нимъ или интересами общаго труда, или торговыми, или духовными интересами, или тѣми и другими вмѣстѣ. Такъ что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнѣе, чѣмъ свои соотечественники, какъ это имѣетъ мѣсто для рабочихъ связанныхъ съ работодателями чужихъ народностей, для торговыхъ людей и въ особенности для ученыхъ и художниковъ.

Кромѣ того, сами условія жизни до того измѣнились теперь, что то, что мы называемъ отечествомъ, то, что мы должны какъ-то отличать отъ всего остального, перестало быть ясно опредѣленнымъ, какъ оно было у древнихъ, гдѣ составлявшіе одно отечество люди принадлежали къ одной народности, одному государству и одной вѣрѣ. Понятенъ патріотизмъ египтянина, еврея, грека, которые, защищая свое отечество, защищали вмѣстѣ и свою вѣру, и свою народность, и свою родину, и свое государство.

Но въ чемъ выразится въ наше время патріотизмъ ирландца въ Соединенныхъ Штатахъ, по вѣрѣ своей принадлежащаго Риму, по народности Ирландіи, по государственности Соединеннымъ Штатамъ? Въ такомъ же положеніи находится чехъ въ Австріи, полякъ въ Россіи, Пруссіи и Австріи, индѣецъ въ Англіи, татаринъ и армянинъ въ Россіи и Турціи. Но не говоря уже о людяхъ этихъ отдѣльныхъ покоренныхъ народностей, люди государствъ самыхъ однородныхъ, какъ Россія, Фран-

ція, Пруссія, не могутъ уже испытывать того чувства патріотизма, который былъ свойственъ древнимъ, потому что очень часто всѣ главные интересы ихъ жизни, иногда семейные—онъ женатъ на женщинѣ другого народа; экономическіе—капиталы его за-границей; духовные, научные или художественные—всѣ не въ своемъ отечествѣ, а внѣ его, въ томъ государствѣ, къ которому возбуждается его патріотическая ненависть.

Главное же, невозможенъ патріотизмъ въ наше время потому, что какъ мы ни старались въ продолженіе 1800 лѣтъ скрыть смыслъ христіанства, оно все-таки проточилось въ нашу жизнь и до такой степени руководитъ ею, что люди, самые грубые и глупые, не могутъ уже не видѣть теперь совершенной несовмѣстимости патріотизма съ тѣми нравственными правилами, которыми они живутъ.

XIV.

Патріотизмъ былъ нуженъ для образованія объединенныхъ изъ разныхъ народностей и защищенныхъ отъ варваровъ сильныхъ государствъ. Но какъ скоро христіанское просвѣщеніе одинаково внутренне преобразило всѣ эти государства, давъ имъ одни и тѣ же основы, патріотизмъ сталъ уже не только не нуженъ, но сталъ единственнымъ препятствіемъ для того единенія между народами, къ которому они готовы по своему христіанскому сознанію.

Патріотизмъ въ наше время есть жестокое преданіе уже пережитого періода времени, которое держится только по инерціи и потому, что прави-

тельства и правящіе классы, чувствуя, что съ этимъ патріотизмомъ связана не только ихъ власть, но и существованіе, старательно и хитростью, и насиліемъ возбуждаютъ и поддерживаютъ его въ народахъ. Патріотизмъ въ наше время подобенъ лѣсамъ, когда-то бывшимъ необходимыми для постройки стѣнъ зданія, которые, несмотря на то, что они одни мѣшаютъ теперь пользованію зданіемъ, все-таки не снимаются, потому что существованіе ихъ выгодно для нѣкоторыхъ.

Между христіанскими народами уже давно нѣтъ и не можетъ быть никакихъ причинъ раздора. Невозможно даже представить себѣ, какъ и зачѣмъ мирно и вмѣстѣ работающіе на границахъ и въ столицахъ русскіе и нѣмецкіе рабочіе станутъ ссориться между собой. И тѣмъ менѣе можно вообразить себѣ вражду между какимъ-нибудь казанскимъ крестьяниномъ, поставляющимъ хлѣбъ нѣмцу и нѣмцемъ, доставляющимъ ему косы и машины, то же самое между французскими, нѣмецкими и итальянскими рабочими. О ссорѣ же между учеными, художниками, писателями разныхъ національностей, живущими одними общими, независимыми отъ національности и государственности интересами, даже смѣшно говорить.

Но правительствамъ нельзя оставить народы въ покоѣ, т.-е. въ мирныхъ отношеніяхъ между собой, потому что если не единственное, то главное оправданіе существованія правительствъ въ томъ, чтобы умиротворять народы, улаживать ихъ враждебныя отношенія. И вотъ правительства вызываютъ эти враждебныя отношенія подъ видомъ патріотизма и потомъ дѣлаютъ видъ, что умиротворяютъ народы между собой. Въ родѣ того, какъ

цыганъ, который посыпавъ своей лошади перца подъ хвостъ, нахлеставъ ее въ стойлѣ, выводитъ ее, повиснувъ на поводу, и притворяется, что онъ насилу можетъ удержать разгорячившуюся лошадь.

Насъ увѣряютъ, что правительства заботятся о соблюденіи мира между народами. Какъ же они соблюдаютъ этотъ миръ?

Живутъ люди по берегамъ Рейна, мирно общаясь между собой, — вдругъ, вслѣдствіе разныхъ ссоръ и интригъ между королями и императорами, начинается война и оказывается нужнымъ правительству Франціи признать нѣкоторыхъ изъ этихъ жителей французами. Проходятъ вѣка, люди привыкли къ этому положенію, опять начинается вражда между правительствами большихъ народовъ, и по самому пустому предлогу начинается война, и оказывается нужнымъ нѣмцамъ признать этихъ жителей опять нѣмцами, и во всѣхъ французахъ и нѣмцахъ разжигается недоброжелательство другъ къ другу. Или живутъ мирно нѣмцы съ русскими на своей границѣ, мирно обмѣниваются трудами и произведеніями труда, и вдругъ тѣ самыя учрежденія, которыя существуютъ только во имя умиротворенія народовъ, начинаютъ ссориться, дѣлать глупости за глупостью и ничего лучшаго не умѣютъ придумать, какъ самый ребяческій пріемъ самонаказанія, только бы поставить на своемъ и насолить противнику (что въ этомъ случаѣ особенно удобно, такъ какъ тѣ, кто устраиваетъ таможенную войну, не страдаютъ отъ нея, а страдаютъ другіе): устраиваютъ ту таможенную войну, которая недавно велась между Россіей и Германіей. И между нѣмцами и русскими съ

помощью газетъ начинаетъ разгораться недоброжелательное чувство, которое еще разжигается франко-русскими празднествами и того и гляди можетъ привести и къ кровавой войнѣ.

Я привелъ эти послѣдніе два примѣра воздѣйствія правительствъ на народъ для возбужденія въ немъ враждебности къ другимъ народамъ, потому что они современны; но нѣтъ во всей исторіи ни одной войны, которая не была бы вызвана правительствами, одними правительствами, совершенно независимо отъ выгодъ народовъ, которымъ война, даже если она успѣшна, всегда вредна.

Правительства увѣряютъ народы, что они находятся въ опасности отъ нападенія другихъ народовъ и отъ внутреннихъ враговъ, и что единственное средство спасенія отъ этой опасности состоитъ въ рабскомъ повиновеніи народовъ правительствамъ. Такъ это съ полной очевидностью видно во время революцій и диктатуръ и такъ это происходитъ всегда и вездѣ, гдѣ есть власть. Всякое правительство объясняетъ свое существованіе и оправдываетъ всѣ свои насилія тѣмъ, что если бы его не было, то было бы хуже. Увѣривъ народы, что они въ опасности, правительства подчиняютъ себѣ ихъ. Когда же народы подчинятся правительствамъ, правительства эти заставляютъ народы нападать на другіе народы. И такимъ образомъ для народовъ подтверждаются увѣренія правительствъ объ опасности отъ нападенія со стороны другихъ народовъ.

Divide et impera. (Раздѣляй и властвуй. *Ред.*).

Патріотизмъ, въ самомъ простомъ, ясномъ и несомнѣнномъ значеніи своемъ есть ничто иное для правителей, какъ орудіе для достиженія властолю-

бивыхъ и корыстныхъ цѣлей, а для управляемыхъ — отреченіе отъ человѣческаго, достоинства, разума, совѣсти, и рабское подчиненіе себя тѣмъ, кто во власти. Такъ онъ и проповѣдуется вездѣ, гдѣ проповѣдуется патріотизмъ.

Патріотизмъ есть рабство.

Проповѣдники мира посредствомъ арбитраціи разсуждаютъ такъ: два животныя не могутъ раздѣлить добычу иначе, какъ не подравшись, такъ поступаютъ дѣти, варвары и варварскіе народы. Но люди разумные рѣшаютъ свои несогласія разсужденіемъ, убѣжденіемъ, передачей рѣшенія вопроса не заинтересованнымъ, разумнымъ лицамъ. Такъ должны поступать и народы нашего времени. Разсужденія эти кажутся вполнѣ правильными. Народы нашего времени дожили до періода разумности, не имѣютъ враждебности другъ къ другу и могли бы рѣшать свои несогласія путемъ мирнымъ. Но разсужденіе это справедливо только относительно народовъ, однихъ народовъ, если бы они не были подъ властью правительствъ. Народы же, подчиняющіеся правительствамъ, не могутъ быть разумны, потому что подчиненіе правительствамъ уже есть признакъ величайшаго неразумія.

Какая же рѣчь можетъ быть о разумности людей, впередъ обѣщающихся исполнить все то (включая сюда и убійство людей), что предпишетъ правительство, т.-е. извѣстные случайно попавшіе въ это положеніе люди.

Люди, могущіе принять такое обязательство безропотнаго подчиненія всему тому, что имъ предпишутъ неизвѣстные имъ люди изъ Петербурга, Вѣны, Парижа, не могутъ быть разумны, и правительства, т.-е. люди, обладающіе такой властью,

еще менѣе могутъ быть разумны и не могутъ не злоупотреблять ею, не могутъ не ошалѣвать отъ такой безумно страшной власти. Поэтому-то и не можетъ быть достигнутъ миръ народовъ между собой разумнымъ путемъ, конвенціями, арбитраціей до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать подчиненіе народовъ правительствамъ, которыя всегда неразумны и всегда пагубны.

Подчиненіе же людей правительствамъ всегда будетъ, пока будетъ патріотизмъ, потому что всякая власть основывается на патріотизмѣ, т.-е. на готовности людей, ради защиты своего народа, отечества, т.-е. государства отъ мнимоугрожающихъ ему опасностей, подчиняться власти.

На этомъ патріотизмѣ основывалась власть французскихъ королей надъ своимъ народомъ до революціи; на этомъ же патріотизмѣ основывалась и власть комитета общественной безопасности послѣ революціи; на этомъ же патріотизмѣ воздвиглась власть Наполеона (и консула и императора); и на томъ же патріотизмѣ установилась по сверженіи Наполеона власть Бурбоновъ, и потомъ республики, и Людовика-Филиппа, и опять республики, и опять Бонапарта, и опять республики, и на этомъ же патріотизмѣ чуть было не установилась власть г-на Буланже.

Страшно сказать, но нѣтъ и не было такого совокупнаго насилія однихъ людей надъ другими, которое не производилось бы во имя патріотизма. Во имя патріотизма воевали русскіе съ французами, французы съ русскими, и во имя же патріотизма теперь готовятся русскіе съ французами воевать противъ нѣмцевъ, и во имя патріотизма готовятся теперь нѣмцы — воевать на два

фронта. Но не только войны, — во имя патріотизма русскіе душатъ поляковъ и нѣмцы славянъ; во имя патріотизма коммунары убивали версальцевъ и версальцы — коммунаровъ.

XV.

Казалось бы, что распространеніе образованія, облегченныхъ способовъ передвиженія, частаго общенія между людьми разныхъ народовъ, при распространеніи печати и, главное, при совершенномъ уничтоженіи опасности отъ другихъ народовъ, обманъ патріотизма долженъ бы становиться все труднѣе и труднѣе, и подъ конецъ сдѣлаться невозможнымъ.

Но дѣло въ томъ, что тѣ самыя средства всеобщаго внѣшняго образованія, облегченныхъ способовъ передвиженія и общенія и главное печати, захваченныя и все болѣе и болѣе захватываемыя правительствами, даютъ имъ теперь такую возможность возбуждать въ народахъ враждебныя другъ къ другу чувства, что насколько увеличивалась очевидность ненужности и вреда патріотизма, настолько же увеличивалась и сила воздѣйствія правительствъ и правящихъ классовъ на народъ для возбужденія патріотизма.

Различіе между тѣмъ, что было и что есть теперь, состоитъ только въ томъ, что такъ какъ теперь гораздо большее число людей участвуютъ въ тѣхъ выгодахъ, которыя доставляетъ патріотизмъ высшимъ классамъ, то и гораздо большее число людей участвуетъ въ распространеніи и поддержаніи этого удивительнаго суевѣрія.

Чѣмъ труднѣе удержать свою власть, тѣмъ съ

все большимъ и большимъ количествомъ людей правительство дѣлится ею.

Прежде властвовала одна маленькая кучка правителей: императоры, короли, герцоги, ихъ чиновники и воины; теперь же участниками этой власти и доставляемыхъ ею выгодъ стали не только чиновники и духовенство, но капиталисты, большіе и даже малые, и землевладѣльцы, и банкиры, и члены палатъ, и учителя, и сельскія должностныя лица и ученые, и даже художники, и въ особенности писатели, журналисты. И всѣ эти лица сознательно и безсознательно распространяютъ обманъ патріотизма, необходимый имъ для удержанія своего выгоднаго положенія. И обманъ, благодаря тому, что средства обмана стали сильнѣе и что въ немъ участвуетъ теперь все большее количество людей, производятъ такъ успѣшно, что несмотря на большую трудность обмана, степень обманутости народа остается та же.

За 100 лѣтъ тому назадъ безграмотный народъ, не имѣвшій никакого понятія о томъ, изъ кого состоитъ его правительство, и о томъ, какіе народы окружаютъ его, слѣпо повиновался тѣмъ мѣстнымъ чиновникамъ и дворянамъ, у которыхъ онъ находился въ рабствѣ. И достаточно было правительству удержать подкупами и наградами въ своей власти этихъ чиновниковъ и дворянъ, чтобы народъ покорно исполнялъ то, что отъ него требовалось. Теперь же, когда народъ уже большею частью умѣетъ читать, знаетъ болѣе или менѣе изъ кого состоитъ его правительство, какіе народы окружаютъ его; когда люди изъ народа постоянно и легко передвигаются съ мѣста на мѣсто, принося ему свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, уже

недостаточно простого требованія исполненія приказаній правительствъ; нужно еще затемнить тѣ правдивыя понятія, которыя имѣетъ народъ о жизни, и внушить ему несвойственныя представленія объ условіяхъ его жизни и объ отношеніи къ нему другихъ народовъ.

И вотъ, благодаря распространенію печати, грамотности и легкости сообщеній, правительства, вездѣ имѣя своихъ агентовъ, черезъ указы, церковныя проповѣди, школы, газеты, внушаютъ народу самыя дикія и превратныя понятія объ его выгодахъ, объ отношеніяхъ народовъ между собой, объ ихъ свойствахъ и намѣреніяхъ, и народъ, настолько задавленный трудомъ, что не имѣетъ ни времени, ни возможности понять значеніе и провѣрить справедливость тѣхъ понятій, которыя внушаются ему, и тѣхъ требованій, которыя во имя его блага предъявляются ему, безропотно покоряется имъ.

Люди же изъ народа, освобождающіеся отъ неустаннаго труда и образовывающіеся и потому, казалось бы, могущіе понять обманъ, производимый надъ ними, подвергаются такому усиленному воздѣйствію угрозъ, подкупа и гипнотизаціи правительствъ, что почти безъ исключенія тотчасъ переходятъ на сторону правительствъ и, поступая въ выгодныя и хорошо оплачиваемыя должности учителей, священниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, становятся участниками распространенія того обмана, который губитъ ихъ собратій. Какъ-будто въ дверяхъ образованія стоятъ тенета, въ которыя неизбѣжно попадаются всѣ тѣ, которые тѣми или другими способами выходятъ изъ массы поглащеннаго трудомъ народа.

Сначала, когда поймешь всю жестокость этого

обмана, невольно поднимается негодованіе противъ тѣхъ, которые изъ-за своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ, тщеславныхъ выгодъ, производятъ этотъ жестокій, губящій не только тѣло, но и душу людей, обманъ, хочется обличить этихъ жестокихъ обманщиковъ. Но дѣло въ томъ, что обманывающіе обманываютъ не потому, что они хотятъ обманывать, но потому, что они почти не могутъ поступать иначе. И обманываютъ они не макіавелически, не съ сознаніемъ производимаго ими обмана, но большею частью съ наивной увѣренностью, что они дѣлаютъ что-то доброе и возвышенное, въ чемъ ихъ постоянно поддерживаетъ сочувствіе и одобреніе всѣхъ окружающихъ ихъ. Правда, что смутно чувствуя то, что на этомъ обманѣ держится ихъ власть и выгодное положеніе, они невольно влекутся къ нему, но дѣйствуютъ они не потому, что они хотятъ обмануть народъ, но потому что думаютъ, что дѣлаемое ими дѣло полезно для народа.

Такъ, императоры, короли со своими министрами, дѣлая свои коронаціи, маневры, смотры, посѣщенія другъ друга, во время которыхъ они, наряжаясь въ различные мундиры, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, съ серьезными лицами совѣщаются другъ съ другомъ о томъ, какъ примирить будто бы враждебные народы (которымъ никогда и въ голову не придетъ воевать другъ съ другомъ), вполнѣ увѣрены, что все то, что они дѣлаютъ, дѣло очень разумное и полезное.

Точно также всѣ министры, дипломаты и всякіе чиновники, наряжающіеся въ свои мундиры съ разными ленточками и крестиками и озабоченно пишущіе на прекрасной бумагѣ за номерами свои неясныя, запутанныя, никому ненужныя сообщенія,

донесенія, предписанія, проекты, вполнѣ увѣрены, что безъ этой ихъ дѣятельности остановится или разстроится вся жизнь народовъ.

Точно также и военные, наряженные въ свои смѣшные костюмы, серьезно разсуждающіе о томъ, какими ружьями или пушками убивать людей, вполнѣ увѣрены, что ихъ маневры и смотры суть самыя важныя и нужныя для народа дѣла.

Въ этомъ же убѣждены и проповѣдующіе патріотизмъ священники, журналисты и составители патріотическихъ стиховъ и учебниковъ, получающіе за это щедрое вознагражденіе. Въ томъ же не сомнѣваются и учредители празднествъ въ родѣ франко-русскихъ, искренно умиляющіеся при произнесеніи своихъ патріотическихъ рѣчей и тостовъ. Всѣ люди эти дѣлаютъ то, что они дѣлаютъ, безсознательно, потому что это необходимо имъ, такъ какъ на этомъ обманѣ построена вся ихъ жизнь, и потому что они другого ничего не умѣютъ дѣлать, а между тѣмъ эти самые поступки вызываютъ сочувствіе и одобреніе всѣхъ тѣхъ людей, среди которыхъ они совершаются. Мало того что, будучи всѣ связаны другъ съ другомъ, они сами одобряютъ и оправдываютъ поступки и дѣятельность другъ друга: императоры и короли—военныхъ чиновниковъ и духовныхъ; а военные, чиновники и духовные—императоровъ и королей и другъ друга, толпа народная, преимущественно городская толпа, не видя никакого понятнаго для себя смысла во всемъ томъ, что дѣлается всѣми этими людьми, невольно приписываетъ имъ особенное, почти сверхъестественное значеніе. Толпа видитъ, напримѣръ, что ставятся тріумфальныя арки, люди наряжаются въ короны, мундиры, ризы, сжигаются фейерверки, палятъ изъ пушекъ, звонятъ въ колокола, ходятъ съ музыкой полки, летаютъ бумаги, и телеграммы, и курьеры съ мѣста на мѣсто, и странно наряженные люди непрестанно, озабоченно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, что-то говорятъ и пишутъ и т. п., и толпа, не будучи въ состояніи провѣрить, что все это дѣлается (какъ оно есть въ дѣйствительности) безъ малѣйшей надобности, приписываетъ всему этому особенное, таинственное для себя и важное значеніе, и криками восторга или молчаливымъ уваженіемъ встрѣчаетъ всѣ эти проявленія. А между тѣмъ, эти выраженія иногда восторга и всегда уваженія толпы, еще болѣе усиливаютъ увѣренность тѣхъ людей, которые производятъ всѣ эти глупости.

Недавно Вильгельмъ II заказалъ себѣ новый тронъ съ какими-то особенными украшеніями и, нарядившись въ бѣлый мундиръ съ латами, въ обтянутые штаны и въ каску съ птицей и сверхъ этого надѣвъ красную мантію, вышелъ къ своимъ подданнымъ и сѣлъ на этотъ новый тронъ съ полной увѣренностью, что это дѣло очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли въ этомъ ничего смѣшного, но нашли это зрѣлище весьма торжественнымъ.

XVI.

Уже давно власть правительствъ надъ народами держится не на силѣ, какъ она держалась въ тѣ времена, когда одна народность покоряла другую и силою оружія держала ее въ покорности, или когда у властителей среди безоружнаго на-

рода были отдѣльныя вооруженныя полчища янычаръ, опричниковъ, гвардейцевъ. Власть правительствъ держится теперь уже давно только на томъ, что называется общественнымъ мнѣніемъ.

Существуетъ общественное мнѣніе, что патріотизмъ есть великое нравственное чувство и что хорошо и должно считать свой народъ, свое государство самымъ лучшимъ въ мірѣ, и устанавливается естественно вытекающее изъ этого общественное мнѣніе о томъ, что хорошо и должно признавать надъ собою власть правительствъ и подчиняться ей, что хорошо и должно служить въ военной службѣ и подчиняться дисциплинѣ, хорошо и должно въ видѣ подати отдавать свои сбереженія правительству, хорошо и должно подчиняться рѣшеніямъ судовъ, хорошо и должно безконтрольно вѣрить тому, что выдается правительственными лицами за божественную истину.

А разъ существуетъ такое общественное мнѣніе, то и устанавляется могущественная власть, обладающая въ наше время милліардами денегъ, организованнымъ механизмомъ управленія, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полиціей, покорнымъ духовенствомъ, школой, даже прессой, и власть эта поддерживаетъ въ народахъ то общественное мнѣніе, которое нужно ей.

Власть правительствъ держится на общественномъ мнѣніи, обладая же властью, правительства посредствомъ всѣхъ своихъ органовъ, чиновниковъ, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могутъ поддержать то общественное мнѣніе, которое имъ нужно. Общественное мнѣніе производитъ власть, власть производитъ общественное

мнѣніе. И выхода изъ этого положенія кажется что нѣтъ никакого.

И такъ бы оно дѣйствительно было, если бы общественное мнѣніе было нѣчто постоянное, неизмѣняющееся и правительства могли бы производить то общественное мнѣніе, которое имъ нужно.

Но къ счастью этого нѣтъ, и общественное мнѣніе есть во-первыхъ, не нѣчто постоянное, неизмѣняющееся, стоячее, а напротивъ нѣчто постоянно измѣняющееся, движущееся вмѣстѣ съ движеніемъ человѣчества; а во-вторыхъ, общественное мнѣніе не только не можетъ быть производимо по желанію правительствами, а есть то, что производитъ правительства и даетъ имъ власть или отнимаетъ ее у нихъ.

Если и можетъ казаться, что общественное мнѣніе остается неподвижнымъ и теперь таково же, какимъ оно было десятки лѣтъ тому назадъ, и можетъ казаться и то, что общественное мнѣніе по отношенію нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ колеблется, какъ-будто возвращаясь назадъ, такъ что оно, напримѣръ, то уничтожаетъ республику, замѣняя ее монархіей, то вновь уничтожаетъ монархію, замѣняя ее республикой, но это только кажется такъ, когда мы разсматриваемъ внѣшнія проявленія того общественнаго мнѣнія, которое искусственно производится правительствами. Но стоитъ только взять общественное мнѣніе въ его отношеніи ко всей жизни людей, и мы увидимъ, что общественное мнѣніе точно такъ же, какъ время дня или года, никогда не стоитъ на мѣстѣ, а всегда движется, всегда идетъ неотступно впередъ по тому же пути, по которому идетъ впередъ человѣчество, точ-

но такъ же, какъ, несмотря на задержки и колебанія, неотступно идетъ впередъ день или весна по тому же пути, по которому идетъ солнце.

Такъ что хотя по самымъ внѣшнимъ признакамъ положеніе народовъ Европы въ наше время почти такое же, какое было 50 лѣтъ тому назадъ, отношеніе къ нему народовъ уже совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое было 50 лѣтъ тому назадъ. Если существуютъ тѣ же, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ властители, войска, войны, подати, роскошь и нищета, католичество, православіе, лютеранство, то прежде это существовало потому, что общественное мнѣніе народовъ требовало этого, теперь же все это существуетъ только потому, что правительства искусственно поддерживаютъ то, что было когда-то живымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Если же мы часто не замѣчаемъ этого движенія общественнаго мнѣнія, какъ не замѣчаемъ движенія воды въ рѣкѣ, по теченію которой плывемъ, то происходитъ это отъ того, что тѣ незамѣтныя измѣненія общественнаго мнѣнія, которыя составляютъ его движеніе, происходятъ въ насъ самихъ.

Свойство общественнаго мнѣнія есть постоянное и неудержимое движеніе. Если намъ кажется, что оно стоитъ на мѣстѣ, то это происходитъ отъ того, что вездѣ есть люди, устроившіе себѣ выгодное положеніе на извѣстномъ моментѣ общественнаго мнѣнія и потому всѣми силами старающіеся удержать его и не дать проявиться тому новому, настоящему, которое, хотя еще и не выразилось вполнѣ, но уже живетъ въ сознаніи людей. И такіе люди, удерживающіе отжившее общественное мнѣніе и скрывающіе новое, суть теперь всѣ

тѣ, которыя составляютъ правительства и правящіе классы, исповѣдующіе патріотизмъ, какъ необходимое условіе жизни человѣческой.

Средства, которыми обладаютъ эти люди, огромны, но такъ какъ общественное мнѣніе есть нѣчто вѣчно текущее и прибывающее, то всѣ усилія ихъ не могутъ не быть тщетны: старое старится, молодое растетъ.

Чѣмъ дольше будетъ удержано выраженіе новаго общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе оно нарастетъ и тѣмъ съ большею силою выразится. Правительства и правящіе классы всѣми силами стараются удержать то старое общественное мнѣніе патріотизма, на которомъ построена ихъ власть, и остановить проявленіе новаго, которое уничтожаетъ ее. Но удержать старое и остановить новое можно только до извѣстныхъ предѣловъ, точно такъ же, какъ только до извѣстнаго предѣла можно плотиной задержать текущую воду.

Сколько бы ни старались правительства возбуждать въ народахъ несвойственное имъ уже общественное мнѣніе прошедшаго о достоинствѣ и доблестяхъ патріотизма, люди нашего времени уже не вѣрятъ въ патріотизмъ, а все больше и больше вѣрятъ въ солидарность и братство народовъ. Патріотизмъ уже не представляетъ людямъ никакого, кромѣ самаго ужаснаго, будущаго; братство же народовъ составляетъ тотъ общій идеалъ, который все болѣе и болѣе становится понятнымъ и желательнымъ человѣчеству. И потому переходъ людей отъ прежняго отжитого общественнаго мнѣнія къ новому неизбѣжно долженъ совершиться. Переходъ этотъ также неизбѣженъ, какъ отпаденіе весной послѣднихъ сухихъ ли-

ствевъ и развертыванiе молодыхъ изъ надувшихся почекъ.

И чѣмъ дальше оттягивается этотъ переходъ, тѣмъ онъ становится настоятельнѣе и тѣмъ очевиднѣе его необходимость.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить то, что мы исповѣдуемъ и, какъ христiане, и, просто какъ люди своего времени, вспомнить тѣ нравственныя основы, которыми мы руководствуемся въ нашей общественной, семейной и личной жизни, и то положенiе, въ которомъ мы во имя патрiотизма поставили себя, чтобы увидать, до какой мы дошли степени противорѣчiя между нашимъ сознанiемъ и тѣмъ, что считается среди насъ, благодаря усиленному воздѣйствiю въ этомъ направленiи правительства,—нашимъ общественнымъ мнѣнiемъ.

Стоитъ только вдуматься въ тѣ самыя обыкновенныя требованiя патрiотизма, которыя, какъ что-то самое простое и естественное, предъявляются намъ, чтобы понять до какой степени эти требованiя противорѣчатъ тому дѣйствительному общественному мнѣнiю, которое мы всѣ уже раздѣляемъ. Всѣ мы считаемъ себя свободными, образованными, гуманными людьми, и даже христiанами, и между тѣмъ всѣ мы находимся въ такомъ положенiи, что завтра Вильгельмъ обидѣлся на Александра, или г-нъ N. N. написалъ бойкую статью о восточномъ вопросѣ, или принцъ какой-нибудь ограбилъ какихъ-нибудь болгаръ или сербовъ, или какая-нибудь королева или императрица обидѣлась на что-нибудь, и мы всѣ, образованные, гуманные христiане, должны идти убивать людей, которыхъ мы не знаемъ и къ которымъ дружески располо-

жены, какъ и ко всѣмъ людямъ. Если же этого не случилось еще, то мы обязаны этимъ, какъ увѣряютъ насъ, миролюбiю Александра III, или тому, что Николай Александровичъ женится на внучкѣ Викторiи. А будетъ на мѣстѣ Александра другой, или самъ Александръ измѣнитъ свое настроенiе, или Николай Александровичъ женится на Амалiи, а не на Алисѣ, и мы, какъ кровожадные звѣри, бросимся выпускать кишки другъ другу. Таково мнимое общественное мнѣнiе нашего времени. Сужденiя такiя спокойно повторяются во всѣхъ самыхъ передовыхъ и либеральныхъ органахъ печати.

Если мы, тысячелѣтнiе христiане, еще не перерѣзали горло другъ другу, то это потому, что Александръ III не позволяетъ намъ сдѣлать этого.

Вѣдь это ужасно.

XVII.

Для того, чтобы совершились самыя великiя и важныя измѣненiя въ жизни человѣчества, не нужны никакiе подвиги: ни вооруженiе миллiоновъ войскъ, ни постройки новыхъ дорогъ и машинъ, ни устройства выставокъ, ни устройства союза рабочихъ, ни революцiи, ни баррикады, ни взрывы, ни изобрѣтенiя, ни воздухоплаванiе и т. п., а нужно только измѣненiе общественнаго мнѣнiя. Для измѣненiя же общественнаго мнѣнiя не нужно никакихъ усилiй мысли, не нужно опровергать что-либо существующее и придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнѣнiю про-

шедшаго, нужно только, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ говорилъ то, что онъ дѣйствительно думаетъ и чувствуетъ, или хоть не говорилъ того, чего онъ не думаетъ. И только бы люди, хоть небольшое количество людей дѣлали это, и тотчасъ само собой спадетъ отжившее общественное мнѣніе и проявится молодое, живое, настоящее. А измѣнится общественное мнѣніе, и безъ всякаго усилія само собой замѣнится все то внутреннее устройство жизни людей, которое томитъ и мучаетъ ихъ. Совѣстно сказать, какъ мало нужно для того, чтобы всѣмъ людямъ освободиться отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя теперь удручаютъ ихъ: нужно только не лгать. Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушаютъ имъ, пусть только не говорятъ того, что они не думаютъ и не чувствуютъ, и тотчасъ же совершится такой переворотъ во всемъ строѣ нашей жизни, котораго не достигнутъ революціонеры столѣтіями, если бы вся власть находилась въ ихъ рукахъ.

Только бы вѣрили люди, что сила не въ силѣ, а въ правдѣ, и смѣло высказывали бы ее или хоть только бы не отступали отъ нея словомъ и дѣломъ: не говорили бы того, чего они не думаютъ, не дѣлали бы того, что они считаютъ нехорошимъ и глупымъ.

«Что же тутъ важнаго, чтобы прокричать: Vive la France или ура! какому-нибудь императору, королю, побѣдителю, пойти, надѣвъ мундиръ, придворный ключъ, дожидаться его въ передней, расклапиваться и называть его странными титулами, и потомъ внушать всѣмъ и молодымъ и необразованнымъ людямъ, что дѣлать это очень похвально». «Или, что важнаго въ томъ, чтобы написать

статью въ защиту франко-русскаго союза или таможенной войны, или въ осужденіе нѣмцевъ, русскихъ, французовъ, англичанъ. «Или, что важнаго пойти на какое-нибудь патріотическое празднованіе и пить за здоровье и говорить хвалебныя рѣчи людямъ, которыхъ не любишь и до которыхъ тебѣ нѣтъ никакого дѣла. Или даже, «что важнаго въ томъ, чтобы въ разговорѣ признать благотворность и полезность трактатовъ, союзовъ, или даже промолчать, когда при васъ восхваляютъ свой народъ и государство, бранятъ и чернятъ другія народности, или когда восхваляютъ католичество, православіе лютеранство, или какого-нибудь героя войны, или правителя вродѣ Наполеона, Петра или современнаго Буланже, Скобелева?» Все это кажется такъ не важно. А между тѣмъ, въ этихъ-то кажущихся намъ неважными поступкахъ, въ воздержаніи нашемъ отъ участія въ нихъ, въ указаніи по мѣрѣ силъ нашихъ неразумности того, неразумность чего очевидна намъ, въ этомъ наше великое, непреодолимое могущество то, изъ котораго складывается та непобѣдимая сила, которая составляетъ настоящее дѣйствительное общественное мнѣніе, то мнѣніе, которое, само двигаясь, движетъ всѣмъ человѣчествомъ. Правительства знаютъ это и трепещутъ передъ этой силой и всѣми зависящими отъ нихъ средствами стараются противодѣйствовать ей или завладѣть ею.

Они знаютъ, что сила не въ силѣ, а въ мысли и ясномъ выраженіи ея и потому боятся выраженія независимой мысли больше, чѣмъ армій, устраиваютъ цензуры, подкупаютъ газеты, захватываютъ управленія религіями, школами. Но та духовная сила, которая движетъ міромъ, ускользаетъ отъ

нихъ, она даже не въ книгѣ, не въ газетѣ, она неуловима и всегда свободна, она въ глубинѣ сознанія людей. Самая могущественная и неуловимая, свободная сила эта есть та, которая проявляется въ душѣ человѣка, когда онъ одинъ, самъ собою обдумываетъ явленія міра и потомъ невольно высказываетъ свои мысли своей женѣ, брату, другу, всѣмъ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ сходится и отъ которыхъ считаетъ грѣхомъ скрыть то, что онъ считаетъ истиной. Никакіе милліарды рублей, милліоны войскъ и никакія учрежденія, ни войны, ни революціи, не произведутъ того, что можетъ произвести простое выраженіе свободнымъ человѣкомъ того, что онъ считаетъ справедливымъ независимо отъ того, что существуетъ и что ему внушается.

Одинъ свободный человѣкъ скажетъ правдиво то, что онъ думаетъ и чувствуетъ среди тысячъ людей, своими поступками и словами, утверждающими совершенно противоположное. Казалось бы, что высказавшій искренно свою мысль, долженъ остаться одинокимъ, а между тѣмъ большей частью бываетъ такъ, что всѣ или большинство уже давно думаютъ и чувствуютъ то же самое, только не высказываютъ этого. И то, что было вчера новымъ мнѣніемъ одного человѣка, дѣлается нынче общимъ мнѣніемъ большинства. А какъ скоро установилось это мнѣніе, такъ тотчасъ незамѣтно, понемногу, но неудержимо начинаютъ измѣняться поступки людей.

А то каждый свободный человѣкъ говоритъ себѣ: «что я могу сдѣлать противъ всего этого моря зла и обмана, заливающаго насъ? Къ чему высказывать свое мнѣніе? Къ чему даже составлять

его? Лучше не думать объ этихъ неясныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Можетъ быть эти противорѣчія составляютъ неизбѣжное условіе всѣхъ явленій жизни. И къ чему мнѣ одному бороться со всѣмъ зломъ міра? Не лучше ли отдаться увлекающему меня потоку: если и можно что-нибудь сдѣлать, то не одному, а только въ обществѣ съ другими людьми». И оставляя то могущественное орудіе мысли и выраженія ея, которое движетъ міромъ, — каждый берется за орудіе общественной дѣятельности, не замѣчая того, что всякая общественная дѣятельность основана на тѣхъ самыхъ началахъ, съ которыми ему предлежитъ бороться, что вступая въ общественную дѣятельность существующаго среди нашего міра, всякій человѣкъ долженъ хоть отчасти отступить отъ истины, сдѣлать такія уступки, которыми онъ уничтожаетъ всю силу того могущественнаго орудія борьбы, которое дано ему. Въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, которому данъ въ руки необыкновенной остроты клинокъ, все перерѣзающій, сталъ бы лезвіемъ этого клинка забивать гвозди.

Всѣ мы плачемся на безумный противорѣчащій всему нашему существу порядокъ жизни, а не только не пользуемся тѣмъ единственнымъ, находящимся въ нашей власти могущественнѣйшимъ орудіемъ: сознанія истины и выраженія ея, но, напротивъ, подъ предлогомъ борьбы со зломъ уничтожаемъ это орудіе и приносимъ его въ жертву воображаемой борьбѣ съ этимъ порядкомъ.

Одинъ не говоритъ той правды, которую онъ знаетъ, потому что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ передъ людьми, съ которыми онъ связанъ, другой— потому что правда могла бы лишить его того выгод-

наго положенія, посредствомъ котораго онъ поддерживаетъ семью, третій — потому, что онъ хочетъ достигнуть славы и власти и потомъ уже употребить ихъ на служеніе людямъ: четвертый—потому, что онъ не хочетъ нарушать старинныя священныя преданія, пятый — потому что онъ не хочетъ оскорблять людей, шестой — потому, что высказываніе правды вызоветъ преслѣдованіе и нарушитъ ту добрую общественную дѣятельность, которой отдается или намѣренъ отдаться...

Одинъ служитъ императоромъ, королемъ, министромъ, чиновникомъ, военнымъ и увѣряетъ себя и другихъ, что то уклоненіе отъ истины, которое необходимо при его положеніи, далеко выкупается приносимой имъ пользой.

Другой исполняетъ обязанности духовнаго пастыря, въ глубинѣ души не вѣря всему тому, чему онъ поучаетъ, но позволяетъ себѣ уклоненіе отъ истины въ виду приносимой имъ пользы. Третій поучаетъ людей въ литературѣ и, несмотря на необходимое умалчиваніе всей истины для того, чтобы не возстановить противъ себя правительства и общества, не сомнѣвается въ приносимой имъ пользѣ; четвертый прямо борется съ существующимъ порядкомъ, какъ революціонеры, анархисты, и вполнѣ увѣренъ, что цѣль, преслѣдуемая имъ, такъ благотворна, что необходимое для успѣха его дѣятельности умалчиваніе истины и даже ложь не уничтожатъ благотворности его дѣятельности.

Для того, чтобы измѣнился противный сознанію людей порядокъ жизни и замѣнился соотвѣтственнымъ ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнѣніе замѣнилось живымъ, новымъ.

Для того же, чтобы старое отжившее общественное мнѣніе уступило мѣсто новому, живому, нужно чтобы люди, сознающіе новыя требованія жизни, явно высказывали ихъ. А между тѣмъ всѣ люди, сознающіе всѣ эти новыя требованія, одинъ во имя одного, другой во имя другого, не только умалчиваютъ ихъ, но словомъ и дѣломъ утверждаютъ то, что прямо противоположно этимъ требованіямъ. Только истина и высказываніе ея можетъ установить то новое общественное мнѣніе, которое измѣнитъ отсталый и вредный порядокъ жизни, а между тѣмъ мы не только не высказываемъ той истины, которую знаемъ, а часто даже прямо высказываемъ то, что сами считаемъ неправдой.

Только бы не полагались свободные люди на то, что не имѣетъ силы и всегда не свободно, — на внѣшнее могущество, а вѣрили бы въ то, что всегда могущественно и свободно,—въ истину и выраженія ея. Только бы смѣло, ясно высказывали люди уже открывшуюся имъ истину о братствѣ всѣхъ народовъ и преступности исключительной приверженности къ своимъ народамъ, и само собой соскочило бы, какъ отсохшая шкура, то мертвое, ложное общественное мнѣніе, на которомъ держится вся власть правительствъ и все зло, производимое ими, и проявилось бы то новое, живое общественное мнѣніе, которое ждетъ только отпаденія мѣшающаго ему стараго, для того, чтобы явно и властно заявить свои требованія и установить соотвѣтственныя сознанію людей новыя формы жизни.

XVIII.

Стоитъ людямъ только понять, что то, что имъ выдаютъ за общественное мнѣніе, что поддер-

живается такими сложными, напряженными и искусственными средствами, не есть общественное мнѣніе, а только мертвое послѣдствіе когда-то бывшаго общественнаго мнѣнія; стоитъ, главное, повѣрить имъ въ себя, въ то, что то, что сознается ими въ глубинѣ души, что просится у каждаго наружу и не высказывается только потому, что противорѣчитъ существующему общественному мнѣнію, — есть та сила, которая измѣняетъ міръ, и проявленіе которой составляетъ призваніе человѣка; стоитъ людямъ повѣрить въ то, что правда не есть то, что говорятъ вокругъ нихъ люди, а то, что говоритъ человѣку его совѣсть, т.-е. Богъ, и мгновенно исчезнетъ ложное, искусственно поддерживаемое общественное мнѣніе и установится истинное.

Только бы люди говорили то, что они думаютъ, и не говорили того, чего они не думаютъ, и тотчасъ же отпали бы всѣ суевѣрія, вытекающія изъ патріотизма, и всѣ злыя чувства и насилія, основанныя на немъ. Отпала бы раздуваемая правительствами ненависть и вражда государствъ къ государствамъ и народностей къ народостямъ, отпали бы восхваленія военныхъ подвиговъ, т.-е. убійства, отпали бы, главное, уваженіе къ властямъ, отдачи имъ своихъ трудовъ и подчиненіе имъ, для которыхъ помимо патріотизма нѣтъ никакихъ основаній.

А только бы сдѣлалось это, и мгновенно вся та огромная масса слабыхъ, всегда извнѣ руководимыхъ людей, мгновенно перевалитъ на сторону новаго общественнаго мнѣнія. И новое общественное мнѣніе станетъ царствующимъ на мѣсто стараго.

Пускай обладаютъ правительства школой, церковью, печатью, милліардами рублей и милліонами дисциплинированныхъ, обращенныхъ въ машины людей, — вся эта кажущаяся страшной организація грубой силы ничто передъ сознаніемъ истины, возникающимъ въ душѣ знающаго силу истины одного человѣка, и отъ этого человѣка сообщится другому, третьему, какъ одна свѣча зажигаетъ безконечное количество другихъ. Стоитъ только загорѣться этому свѣту, и, какъ воскъ отъ лица огня, распадется, растаетъ вся эта кажущаяся столь могущественной организація.

Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана имъ въ словѣ, выражающемъ истину. Только бы не продавали люди свое старшинство за чечевичную похлебку. Только бы пользовались люди этой своей властью, и не только не посмѣли бы властители, какъ теперь, угрожать людямъ всеобщей бойней, въ которую они по своему произволу ввергнутъ или не ввергнутъ людей, не смѣли бы на глазахъ мирныхъ жителей дѣлать своихъ смотровъ и маневровъ дисциплинированнымъ убійцамъ, не смѣли бы правительства для своихъ расчетовъ, для выгодъ своихъ пособниковъ устраивать и разстраивать таможенные договоры, не смѣли бы собирать съ народа и тѣ милліоны рублей, которые они раздаютъ своимъ пособникамъ и на которые приготовляются къ убійству.

Итакъ, измѣненіе не только возможно, но невозможно, чтобы оно не сдѣлалось, такъ же невозможно, какъ невозможно, чтобы не сотлѣло и не развалилось отжившее мертвое дерево и не выросло молодое.

«Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ: да не смущается сердце ваше и да не устрашается»,

сказалъ Христосъ. И миръ этотъ дѣйствительно уже есть среди насъ и отъ насъ зависитъ пріобрѣсти его.

Только бы не смущалось сердце отдѣльныхъ людей тѣми соблазнами, которыми ежечасно соблазняютъ ихъ, и не устрашалось бы тѣми воображаемыми страхами, которыми пугаютъ ихъ. Только бы знали люди, въ чемъ ихъ могущественная, всепобѣждающая сила, и миръ, котораго всегда желали люди, не тотъ, который пріобрѣтается дипломатическими переговорами, переѣздами императоровъ и королей изъ одного города въ другой, обѣдами, рѣчами, крѣпостями, пушками, динамитами и меленитами, не изнуреніемъ народа податями, не отрываніемъ цвѣта населенія отъ труда и развращеніемъ его, а тотъ миръ, который пріобрѣтается свободнымъ исповѣданіемъ истины каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, уже давно наступилъ бы среди насъ.

Л. Толстой.

Патріотизмъ или миръ.

(Письмо къ англичанину).

Милостивый Государь.

Вы пишете мнѣ о томъ, чтобы я высказался по случаю Сѣверо-Американскихъ Штатовъ «въ интересахъ христіанской послѣдовательности и истиннаго мира» и выражаете надежду, что народы скоро проснутся къ единственному средству обезпечить народный миръ.

Я питаю ту же надежду. Питаю эту же надежду потому, что ослѣпленіе, въ которомъ въ наше время находятся народы, восхваляющіе патріотизмъ, воспитывающіе свои молодыя поколѣнія въ суевѣріи патріотизма и, между тѣмъ, не желающіе неизбѣжныхъ послѣдствій патріотизма — войны, дошли, какъ мнѣ кажется, до той послѣдней степени, при которой достаточно самаго простого, просящагося на языкъ каждаго непредубѣжденнаго человѣка, разсужденія, для того, чтобы люди увидѣли то вопіющее противорѣчіе, въ которомъ они находятся.

Часто, когда спрашиваешь у дѣтей, что они выбираютъ изъ двухъ несовмѣстимыхъ вещей, но которыхъ имъ обѣихъ очень хочется, они отвѣча-

ютъ: и того и другого. Что хочешь: ѣхать кататься или дома играть? И ѣхать кататься и дома играть.

Точно такъ же отвѣчаютъ намъ христіанскіе народы на поставленный имъ жизнью вопросъ: что они выбираютъ изъ двухъ: патріотизмъ или миръ? Они отвѣчаютъ: и патріотизмъ и миръ, — хотя соединить патріотизмъ и миръ такъ же невозможно, какъ въ одно и то же время ѣхать кататься и оставаться дома.

На дняхъ между Сѣверо-Американскими Штатами и Англіей произошло столкновеніе изъ-за границъ Венецуэли. Сольсбери на что-то не согласился, Кливелендъ написалъ посланіе въ сенатъ, съ обѣихъ сторонъ раздались патріотическіе воинственные возгласы, на биржѣ произошла паника, люди потеряли милліоны фунтовъ и долларовъ, Эдисонъ объявилъ, что онъ выдумаетъ такіе снаряды, которыми можно будетъ въ часъ убивать больше людей, чѣмъ убилъ Атилла во всѣ свои войны, и оба народа стали энергически готовиться къ войнѣ. Но отъ того ли, что одновременно съ этими приготовленіями къ войнѣ, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ разные литераторы, принцы и государственные люди стали увѣщать правительства обоихъ народовъ въ томъ, чтобы они воздержались отъ войны, что предметъ раздора не достаточно важенъ для того, чтобы начинать войну, въ особенности между двумя родственными, говорящими на одномъ языкѣ англосаксонскими народами, которые должны не воевать между собой, а спокойно властвовать надъ другими, — или отъ того, что объ этомъ молились и читали проповѣди во всѣхъ церквахъ всякаго рода епископы, архи-дьяконы, каноники, или отъ того, что та и другая сторона не считала себя

еще готовой, но случилось такъ, что войны на этотъ разъ не будетъ. И люди успокоились.

Но вѣдь надо имѣть слишкомъ мало perspicacité (проницательности) для того, чтобы не видѣть того, что причины, которыя привели теперь къ столкновенію между Англіей и Америкой, остались тѣ же и что если теперешнее столкновеніе и разрѣшится безъ войны, то неизбѣжно завтра, послѣ завтра явятся другія столкновенія между Англіей и Россіей, и Англіей и Турціей, во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ, какъ они и возникаютъ ежедневно, и какое-нибудь изъ нихъ неизбѣжно приведетъ къ войнѣ.

Вѣдь если живутъ рядомъ два вооруженные человѣка, которымъ съ дѣтства внушено, что могущество, богатство и слава суть высшія добродѣтели, и что поэтому пріобрѣтать могущество, богатство и славу оружіемъ въ ущербъ другимъ сосѣднимъ владѣтелямъ есть самое похвальное дѣло, и если при этомъ надъ этими людьми не стоитъ никакого ни нравственнаго, ни религіознаго, ни государственнаго ограниченія, то развѣ не очевидно, что такіе люди будутъ всегда воевать, что нормальное отношеніе ихъ между собой будетъ война, и что если такіе люди, сцѣпившись, разошлись на время, то это они сдѣлали только по французской пословицѣ pour mieux sauter, т.-е. разбѣжались для того, чтобы лучше прыгнуть, съ большимъ остервенѣніемъ броситься другъ на друга.

Страненъ эгоизмъ частныхъ людей, но эгоисты частной жизни не вооружены, не считаютъ хорошимъ ни готовить ни употреблять оружіе противъ своихъ соперниковъ, эгоизмъ частныхъ лю-

дей находится подъ контролемъ и государственной власти и общественнаго мнѣнія. Частнаго человѣка, который съ оружіемъ въ рукахъ отнимаетъ у сосѣда корову или десятину посѣва, сейчасъ же возьмутъ полицейскіе и посадятъ въ тюрьму. Кромѣ того такого человѣка осудитъ общественное мнѣніе, его назовутъ воромъ и грабителемъ. Совсѣмъ иное съ государствами: всѣ они вооружены, власти надъ ними нѣтъ никакой, кромѣ комическихъ попытокъ поймать птицу, посыпавъ ей соли на хвостъ, попытокъ учрежденія международныхъ конгрессовъ, которые, очевидно, никогда не будутъ приняты могущественными (для того и вооруженными, чтобы не слушаться никого) государствами и главное то, что общественное мнѣніе, которое караетъ всякое насиліе частнаго человѣка, восхваляетъ, возводитъ въ добродѣтель патріотизма всякое присвоеніе чужого для увеличенія могущества своего отечества.

За какое хотите время откройте газеты и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то что будетъ Корея, то Памиры, то Африканскія земли, то Абиссинія, то Турція, то Венецуэла, то Трансвааль. Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здѣсь, то тамъ не переставая идетъ маленькая война, какъ перестрѣлка въ цѣпи, и настоящая большая война всякую минуту можетъ и должна начаться.

Если американецъ желаетъ предпочтительнаго передъ всѣми другими народами величія и благоденствія Америки, и точно того же желаетъ англичанинъ и того же желаетъ русскій, и турокъ, и голландецъ, и абиссинецъ, и гражданинъ Венецуэллы и Трансвааля, и армянинъ, и полякъ, и чехъ, и всѣ они убѣждены, что эти желанія не только не надо скрывать и подавлять, но что этими желаніями можно гордиться и должно развивать ихъ въ себѣ и другихъ, и если величіе и благоденствіе одной страны или народа не можетъ быть пріобрѣтено иначе, какъ въ ущербъ другой, или иногда и многихъ другихъ странъ и народовъ,—то какъ же не быть войнѣ.

И потому для того, чтобы не было войны, нужно не читать проповѣди и молиться Богу о томъ, чтобы былъ миръ, не уговаривать english speaking nations быть въ дружбѣ между собой, чтобы властвовать надъ другими народами, не составлять двойственный и тройственный союзы другъ противъ друга, не женить принцевъ на принцессахъ другихъ народовъ, а нужно уничтожить то, что производитъ войну. Производитъ же войну желаніе исключительнаго блага своему народу, то что называется патріотизмомъ. А потому, для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патріотизмъ, а чтобы уничтожить патріотизмъ, надо прежде всего убѣдиться, что онъ зло, и вотъ это-то и трудно сдѣлать. Скажите людямъ, что война дурно,—они посмѣются: кто же этого не знаетъ. Скажите, что патріотизмъ дурно, и на это большинство людей согласятся, но съ маленькой оговоркой. «Да, дурной патріотизмъ дурно, но есть другой патріотизмъ, тотъ, какого мы держимся. Но въ чемъ этотъ хорошій патріотизмъ,—никто не объясняетъ. Если хорошій патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы не быть завоевательнымъ, какъ говорятъ многіе, то вѣдь все-таки патріотизмъ, если онъ не завоевательный, то непремѣн-

но удержательный, т.-е., что люди хотятъ удержать то, что прежде было завоевано, такъ какъ нѣтъ такой страны, которая основалась бы не завоеваніемъ, а удержать завоеванное нельзя иными средствами, какъ только тѣми же, которыми что-либо завоевывается, т. е. насиліемъ, убійствомъ. Если же патріотизмъ даже и не удержательный, то онъ возстановительный—патріотизмъ покоренныхъ, угнетенныхъ народовъ—армянъ, поляковъ, чеховъ, ирландцевъ и т. п. И этотъ патріотизмъ едва ли не самый худшій, потому что самый озлобленный и требующій наибольшаго насилія.

Патріотизмъ не можетъ быть хорошій. Отчего люди не говорятъ, что эгоизмъ можетъ быть хорошій, хотя это скорѣе можно бы было утверждать, потому что эгоизмъ есть естественное чувство, съ которымъ человѣкъ рождается, патріотизмъ же чувство неестественное, искусственно привитое ему.

Скажутъ: «патріотизмъ связалъ людей въ государства и поддерживаетъ единство государствъ». Но вѣдь люди уже соединились въ государства, дѣло это совершилось: зачѣмъ же теперь поддерживать исключительную преданность людей къ своему государству, когда эта преданность производитъ бѣдствіе для всѣхъ государствъ и народовъ. Вѣдь тотъ самый патріотизмъ, который произвелъ объединеніе людей въ государства, теперь разрушаетъ эти самыя государства. Вѣдь если бы патріотизмъ былъ только одинъ: патріотизмъ однихъ англичанъ,—то можно бы было его считать объединяющимъ или благодѣтельнымъ, но когда, какъ теперь, есть патріотизмъ: американскій, англійскій, нѣмецкій, французскій, русскій, всѣ противоположные одинъ другому, то патріотизмъ уже не соединяетъ, а разъединяетъ. Говорить, что если патріотизмъ былъ благодѣтеленъ, соединяя людей въ государства, какъ это было во время его расцвѣта въ Греціи и Римѣ, то отъ этого патріотизмъ и теперь, послѣ 1800 лѣтъ христіанской жизни, такъ же благодѣтеленъ, все равно, что говорить, что такъ какъ пахота была полезна и благодѣтельна для поля передъ посѣвомъ, то она также будетъ благодѣтельна теперь, когда посѣвъ уже взошелъ.

Вѣдь хорошо бы было удерживать патріотизмъ въ память той пользы, которую онъ когда-то принесъ людямъ, какъ хранятъ и удерживаютъ люди старинные памятники храмовъ, гробницъ и т. п. Но храмы и гробницы стоятъ, не принося людямъ никакого вреда, патріотизмъ же, не переставая, производитъ неисчислимыя бѣдствія.

Отчего страдаютъ и рѣжутся теперь и звѣрѣютъ армяне и турки? Отчего Англія и Россія, озабоченная каждая своей долей наслѣдства послѣ Турціи, выжидаютъ, а не прекращаютъ армянскія побоища? Отчего рѣжутся абиссинцы и итальянцы? Отчего чуть не возникла страшная война изъ-за Венецуэлы, а теперь изъ-за Трансвааля? А китайско-японская война, а турецкая, а германская, а французская? А озлобленіе покоренныхъ народовъ: армянъ, поляковъ, ирландцевъ? А приготовленія къ войнѣ всѣхъ народовъ?—Все это плоды патріотизма. Моря крови пролиты изъ-за этого чувства и будутъ еще пролиты изъ-за него, если люди не освободятся отъ этого отжившаго остатка старины.

Мнѣ нѣсколько разъ уже приходилось пи-

сать о патріотизмѣ, о полной несовмѣстимости его съ ученіемъ не только Христа въ его идеальномъ смыслѣ, но и съ самыми низшими требованіями нравственности христіанскаго общества, и всякій разъ на мои доводы мнѣ отвѣчали или молчаніемъ или высокомѣрнымъ указаніемъ на то, что высказанныя мною мысли суть утопическія выраженія мистицизма, анархизма и космополитизма. Часто мысли мои повторялись въ сжатой формѣ и, вмѣсто возраженій противъ нихъ, прибавлялось только то, что это ничто иное, какъ космополитизмъ, какъ-будто это слово: космополитизмъ безповоротно опровергало всѣ мои доводы.

Люди серьезные, старые, умные, добрые и, главное, стоящіе какъ городъ на верху горы, люди, которые своимъ примѣромъ невольно руководятъ массами, дѣлаютъ видъ, что законность и благодѣтельность патріотизма до такой степени очевидна и несомнѣнна, что не стоитъ отвѣчать на легкомысленные и безумные нападки на это священное чувство, и большинство людей съ дѣтства обманутое и зараженное патріотизмомъ, принимаетъ это высокомѣрное молчаніе за самый убѣдительный доводъ и продолжаетъ коснѣть въ своемъ невѣжествѣ.

И потому тѣ люди, которые по своему положенію могутъ избавить массы отъ ихъ бѣдствій и не дѣлаютъ этого,—совершаютъ большой грѣхъ.

Самое ужасное, что въ мірѣ есть,—лицемѣріе. Недаромъ Христосъ одинъ только разъ прогнѣвался, и это было противъ лицемѣрія фарисеевъ.

Но что было лицемѣріе фарисеевъ въ сравненіи съ лицемѣріемъ нашего времени. Въ сравненіи съ нашими, лицемѣры-фарисеи были самые

правдивые люди и ихъ искусство лицемѣрить въ сравненіи съ искусствомъ нашихъ, — дѣтская игрушка: и оно не можетъ быть иначе. Вся наша жизнь съ исповѣданіемъ христіанства, ученія смиренія и любви, соединенная съ жизнью вооруженнаго разбойничьяго стана, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ сплошнымъ ужаснымъ лицемѣріемъ. Оно очень удобно—исповѣдывать такое ученіе, въ которомъ: на одномъ концѣ христіанская святость и непогрѣшимость, а на другомъ—языческій мечъ и висѣлица, такъ что, когда можно импонировать и обманывать святостью, пускается въ ходъ святость, когда же обманъ не удается, пускается въ ходъ мечъ и висѣлица. Такое ученіе очень удобно, но приходитъ время, когда эта паутина лжи расползается и нельзя уже продолжать держаться того и другого, и необходимо примкнуть къ тому или другому. Это самое теперь наступаетъ по отношенію къ ученію о патріотизмѣ.

Хотятъ или не хотятъ этого люди, вопросъ ясно стоитъ передъ человѣчествомъ: какимъ образомъ можетъ тотъ патріотизмъ, отъ котораго происходятъ неисчисленныя, какъ физическія такъ и нравственныя страданія людей,—быть нужнымъ и быть добродѣтелью? И отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо.

Необходимо или показать, что патріотизмъ есть такое великое благо, что онъ выкупаетъ всѣ тѣ страшныя бѣдствія, какія онъ производитъ въ человѣчествѣ; или признать, что патріотизмъ есть зло, которое не только не надо прививать и внушать людямъ, но отъ котораго надо всѣми силами стараться избавиться.

C'est à prendre ou à laisser, какъ говорятъ французы. Если патріотизмъ добро, то христіанство, дающее миръ—пустая мечта, и чѣмъ скорѣе искоренить это ученіе, тѣмъ лучше. Если же христіанство дѣйствительно даетъ миръ, и мы дѣйствительно хотимъ мира, то патріотизмъ есть пережитокъ варварскаго времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, какъ мы это дѣлаемъ теперь, но который надо искоренять всѣми средствами: проповѣдью, убѣжденіемъ, презрѣніемъ, насмѣшкой. Если христіанство—истина, и мы хотимъ жить въ мирѣ, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослабленію его и содѣйствовать этому. Надо русскому радоваться, когда отъ Россіи отдѣляется, освобождается Польша, Остзейскій край, Финляндія, Арменія; и англичанину радоваться тому же по отношенію Ирландіи, Австраліи, Индіи и другихъ колоній и содѣйствовать этому, потому что чѣмъ больше государство, тѣмъ злѣе и жесточе его патріотизмъ, тѣмъ на большемъ количествѣ страданій зиждется его могущество. И потому, если мы хотимъ дѣйствительно быть тѣмъ, что мы исповѣдываемъ, мы не только не должны, какъ теперь, желать увеличенія своего государства, но желать уменьшенія, ослабленія его и всѣми силами содѣйствовать этому. И такъ и воспитывать молодыя поколѣнія: мы должны воспитывать молодыя поколѣнія такъ, чтобы, какъ теперь, стыдно молодому человѣку проявлять свой грубый эгоизмъ, напримѣръ, тѣмъ, чтобы съѣсть все, не оставивъ другимъ, столкнуть слабѣйшаго съ дороги, чтобы самому пройти, отнять силой то, что нужно другому,—такъ же было бы стыдно желать

увеличенія могущества своего отечества; и такъ же какъ считается глупымъ и смѣшнымъ теперь восхваленіе самого себя, такъ же бы считалось глупымъ восхваленіе своего народа, какъ оно теперь производится въ разныхъ лживыхъ отечественныхъ исторіяхъ, картинахъ, памятникахъ, учебникахъ, статьяхъ, проповѣдяхъ и глупыхъ народныхъ гимнахъ. Но надо понимать, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ восхвалять патріотизмъ и воспитывать его въ молодыхъ поколѣніяхъ, у насъ будутъ вооруженія, губящія и физическую и духовную жизнь народовъ, будутъ и войны ужасныя, страшныя войны, какъ тѣ, къ которымъ мы готовимся и въ кругъ которыхъ мы вводимъ теперь, развращая ихъ своимъ патріотизмомъ, новыхъ страшныхъ бойцовъ дальняго востока.

Императоръ Вильгельмъ, одно изъ самыхъ комическихъ лицъ нашего времени, ораторъ, поэтъ, музыкантъ, драматургъ и живописецъ и, главное, патріотъ, нарисовалъ недавно картину, изображающую всѣ народы Европы съ мечами, стоящіе на берегу моря и, по указанію архангела Михаила, смотрящіе на сидящія вдалекѣ фигуры Будды и Конфуція. По намѣренію Вильгельма, это должно означать, что народы Европы должны соединиться, чтобы противостоять надвигающейся оттуда опасности. И онъ совершенно правъ съ своей отставшей на 1800 лѣтъ языческой, грубой патріотической точки зрѣнія. Европейскіе народы, забывъ Христа во имя своего патріотизма, все больше и больше раздражали и научали патріотизму и войнѣ, эти мирные народы и теперь раздразнили ихъ такъ, что дѣйствительно, если только Японія и Китай такъ же вполнѣ забудутъ ученія Будды и Конфу-

ція, какъ мы забыли ученіе Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро научаются, какъ и показала Японія) и, будучи безстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбѣжно очень скоро сдѣлаютъ изъ странъ Европы, если только Европа не сумѣетъ противупоставить чего-нибудь болѣе сильнаго, чѣмъ оружіе и выдумки Эдисона, то, что страны Европы дѣлаютъ изъ Африки. «Ученикъ не бываетъ выше своего учителя, но, усовершенствовавшись, будетъ всякій, какъ учитель его». (Лук. 11, 40).

На вопросъ одного царька: сколько и какъ прибавить войска, чтобы побѣдить одинъ южный не покорявшійся ему народецъ, — Конфуцій отвѣчалъ: уничтожь все твое войско, употреби то, что ты тратишь теперь на войско, на просвѣщеніе своего народа и на улучшеніе земледѣлія, и южный народъ прогонитъ своего царька и безъ войны покорится твоей власти.

Такъ училъ Конфуцій, котораго намъ совѣтуютъ бояться. Мы же, забывъ ученіе Христа, отреклись отъ него, хотимъ покорить народы силою и этимъ только приготовляемъ себѣ новыхъ и болѣе сильныхъ враговъ, чѣмъ наши сосѣди. Одинъ мой пріятель, увидавъ картину Вильгельма, сказалъ: картина прекрасная, только она означаетъ совсѣмъ не то, что подписано. Она означаетъ то, что архангелъ Михаилъ указываетъ всѣмъ правительствамъ Европы, изображеннымъ въ видѣ увѣшанныхъ оружіемъ разбойниковъ, то, что погубитъ и уничтожитъ ихъ, а именно: кротость Будды и разумность Конфуція. Онъ могъ прибавить — и смиреніе Лао-тзе.

И дѣйствительно, мы, благодаря своему лицемѣрію, до такой степени забыли Христа, вытравили изъ своей жизни все христіанское, что ученіе Будды и Конфуція безъ сравненія стоятъ выше того звѣрскаго патріотизма, которымъ руководятся наши мнимо-христіанскіе народы. И потому спасеніе Европы и вообще христіанскаго міра не въ томъ, чтобы, какъ разбойники, обвѣшавшись мечами, какъ ихъ изобразилъ Вильгельмъ, бросаться убивать своихъ братьевъ за моремъ, а, напротивъ, въ томъ, чтобы отказаться отъ пережитка варварскихъ временъ — патріотизма и, отказавшись отъ него, снять оружіе и показать восточнымъ народамъ не примѣръ дикаго патріотизма и звѣрства, а примѣръ братской жизни, которой мы научены Христомъ.

Левъ Толстой.

Патріотизмъ и правительство.

I.

Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось высказывать мысль о томъ, что патріотизмъ есть въ наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, и что поэтому чувство это не должно быть воспитываемо какъ это дѣлается теперь, — а напротивъ, подавляемо и уничтожаемо всѣми зависящими отъ разумныхъ людей средствами. Но удивительное дѣло, несмотря на неоспоримую и очевидную зависимость только отъ этого чувства разоряющихъ народъ всеобщихъ вооруженій и губительныхъ войнъ, всѣ мои доводы объ отсталости, несвоевременности и вредѣ патріотизма встрѣчались и встрѣчаются до сихъ поръ или молчаніемъ, или умышленнымъ непониманіемъ, или, еще, всегда однимъ и тѣмъ же страннымъ возраженіемъ: говорится, что вреденъ только дурной патріотизмъ, джингоизмъ, шовинизмъ, но что настоящій, хорошій патріотизмъ есть очень возвышенное, нравственное

чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно. О томъ же, въ чемъ состоитъ этотъ настоящій, хорошій патріотизмъ, или вовсе не говорится, или, вмѣсто объясненія, — произносятся напыщенныя, высокопарныя фразы, или же подставляется подъ понятіе патріотизма нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ патріотизмомъ, который мы всѣ знаемъ и отъ котораго всѣ такъ жестоко страдаемъ.

Говорится обыкновенно, что настоящій, хорошій патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы желать своему народу или государству настоящихъ благъ, такихъ, которыя не нарушаютъ благъ другихъ народовъ.

На-дняхъ, разговаривая съ англичаниномъ о нынѣшней войнѣ, я сказалъ ему, что настоящая причина этой войны не корыстныя цѣли, какъ это обыкновенно говорится, но патріотизмъ, какъ это очевидно по настроенію всего англійскаго общества. Англичанинъ не согласился со мной и сказалъ, что если это и справедливо, то произошло это отъ того, что патріотизмъ, воодушевляющій теперь англичанъ, дурной патріотизмъ; хорошій же патріотизмъ — тотъ, которымъ онъ проникнутъ, — состоитъ въ томъ, чтобы англичане, его соотечественники, не поступали дурно.

— «Развѣ вы желаете, чтобы не поступали дурно только одни англичане?» — спросилъ я.

— «Я всѣмъ желаю этого!» — отвѣтилъ онъ, этимъ отвѣтомъ ясно показавъ, что свойства истинныхъ благъ, — будутъ ли это блага нравственныя, научныя или даже прикладныя, практическія, — по существу своему таковы, что они распростра-

няются на всѣхъ людей, и потому желанiе такихъ благъ кому бы то ни было — не только не есть патрiотизмъ, но исключаетъ его.

Точно такъ же не есть патрiотизмъ и особенности каждаго народа, которыя другiе защитники патрiотизма умышленно подставляютъ подъ это понятiе. Они говорятъ, что особенности каждаго народа составляютъ необходимое условiе прогресса человѣчества, и потому патрiотизмъ, стремящiйся къ удержанiю этихъ особенностей, есть хорошее и полезное чувство. Но развѣ не очевидно, что если когда-то эти особенности каждаго народа, обычаи, вѣрованiя, языкъ составляли необходимое условiе жизни человѣчества, то эти самыя особенности служатъ въ наше время главнымъ препятствiемъ осуществленiю сознаваемаго уже людьми идеала братскаго единенiя народовъ. И потому поддержанiе и охраненiе особенностей какой бы то ни было, русской, нѣмецкой, французской, англо-саксонской, вызывая такое же поддержанiе и охраненiе не только венгерской, польской, ирландской народностей, но и баскской, провансальской, мордовской, чувашской и множества другихъ народностей, служитъ не сближенiю и единенiю людей, а все большему и большему отчужденiю и раздѣленiю ихъ.

Такъ что не воображаемый, а дѣйствительный патрiотизмъ, тотъ, который мы всѣ знаемъ, подъ влiянiемъ котораго находится большинство людей нашего времени и отъ котораго такъ жестоко страдаетъ человѣчество, — не есть желанiе духовныхъ благъ своему народу (желать духовныхъ благъ нельзя одному своему народу), ни особенности народныхъ индивидуальностей (это есть свойство, а никакъ не чувство), — а есть очень опредѣленное

чувство предпочтенiя своего народа или государства всѣмъ другимъ народамъ или государствамъ, и потому есть желанiе этому народу или государству наибольшаго благосостоянiя и могущества, которыя могутъ быть прiобрѣтены и всегда прiобрѣтаются только въ ущербъ благосостоянiю и могуществу другихъ народовъ или государствъ.

Казалось бы, очевидно, что патрiотизмъ, какъ чувство, есть чувство дурное и вредное; какъ ученiе же, есть ученiе глупое, такъ какъ ясно, что если каждый народъ и государство будутъ считать себя наилучшими изъ народовъ и государствъ, то всѣ они будутъ находиться въ грубомъ и вредномъ заблужденiи.

II.

Казалось бы, и зловредность, и неразумiе патрiотизма должны бы быть очевидны людямъ. Но, удивительное дѣло, просвѣщенные, ученые люди не только не видятъ этого сами, но съ величайшимъ упорствомъ и горячностью, хотя и безъ всякихъ разумныхъ основанiй, оспариваютъ всякое указанiе на вредъ и неразумiе патрiотизма и продолжаютъ восхвалять благодѣтельность и возвышенность его.

Что же это значитъ?

Одно только объясненiе этого удивительнаго явленiя представляется мнѣ. Вся исторiя человѣчества съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени можетъ быть разсматриваема какъ движенiе сознанiя и отдѣльныхъ людей, и однородныхъ совокупностей ихъ отъ идей низшихъ къ идеямъ высшимъ.

Весь путь, пройденный какъ каждымъ отдѣль-

нымъ человѣкомъ, такъ и однородными группами людей, можно себѣ представить какъ послѣдовательный рядъ ступеней отъ самой низшей, находящейся на уровнѣ животной жизни, до самой высшей, до которой можетъ только подняться въ данный историческій моментъ сознаніе человѣка.

Каждый человѣкъ такъ же, какъ и отдѣльныя однородныя группы—народы, государства—всегда шли и идутъ по этимъ какъ бы ступенямъ идей. Однѣ части человѣчества идутъ впередъ, другія далеко отстаютъ, третьи — большинство — движутся въ серединѣ. Но всѣ, на какой бы ступени онѣ ни стояли, неизбѣжно и неудержимо движутся отъ низшихъ идей къ высшимъ. И всегда, въ каждый данный моментъ, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и каждая однородная группа людей — передовая, средняя или задняя — находятся въ трехъ различныхъ отношеніяхъ къ тремъ ступенямъ идей, среди которыхъ движутся. Всегда, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ для отдѣльной совокупности людей, есть идеи прошедшаго, отжитыя и ставшія чуждыми, къ которымъ люди не могутъ уже вернуться, какъ, напримѣръ, для нашего христіанскаго міра — идеи людоѣдства, всенароднаго грабежа, похищенія женъ и т. п., о которыхъ остается только воспоминаніе; есть идеи настоящаго, которыя внушены людямъ воспитаніемъ, примѣромъ, всей дѣятельностью окружающей среды, идеи подъ властью которыхъ они живутъ въ данное время, какъ, напримѣръ, въ наше время — идеи собственности, государственнаго устройства, торговли, пользованія домашними животными и т. п. И есть идеи будущаго, изъ которыхъ однѣ уже близки къ осуществленію и заставляютъ людей измѣнять

свою жизнь и бороться съ прежними формами, какъ, напримѣръ, въ нашемъ мірѣ — идеи освобожденія рабочихъ, равноправности женщинъ, прекращенія питанія мясомъ и другія идеи, хотя уже и сознаваемыя людьми, но еще не вступившія въ борьбу съ прежними формами жизни. Таковы въ наше время называемыя идеалами идеи уничтоженія насилія, установленія общности имуществъ, единой религіи, всеобщаго братства людей. И потому всякій человѣкъ и всякая однородная совокупность людей, на какой бы ступени они ни стояли, имѣя позади себя отжитыя воспоминанія о прошедшемъ и впереди идеалы будущаго, — всегда находятся въ процессѣ борьбы между отживающими идеями настоящаго съ входящими въ жизнь идеями будущаго. Совершается обыкновенно то, что когда идея, бывшая полезной и даже необходимой въ прошедшемъ, становится излишней, идея эта, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, уступаетъ мѣсто новой идеѣ, бывшей прежде идеаломъ, становящейся идеей настоящаго.

Но бываетъ и такъ, что отжившая идея, уже замѣненная въ сознаніи людей высшей идеей, такова, что удержаніе этой отжитой идеи выгодно для нѣкоторыхъ людей, имѣющихъ наибольшее вліяніе въ обществѣ. И тогда совершается то, что эта отжившая идея, несмотря на свое рѣзкое противорѣчіе всему измѣнившемуся въ другихъ отношеніяхъ строю жизни, продолжаетъ вліять на людей и руководить ихъ поступками. Такая задержка отжившей идеи всегда происходила и происходитъ въ области религіозной. Причина этого та, что жрецы, выгодное положеніе которыхъ связано съ отжившей религіозной идеей, пользуясь своей

властью, умышленно удерживаютъ людей въ отжившей идеѣ.

То же самое происходитъ и по тѣмъ же причинамъ въ области государственной по отношенію къ идеѣ патріотизма, на которой основывается всякая государственность. Люди, которымъ выгодно поддержаніе этой идеи, не имѣющей уже никакого ни смысла, ни пользы, искусственно поддерживаютъ ее. Обладая же могущественнѣйшими средствами вліянія на людей, они всегда могутъ дѣлать это.

Въ этомъ представляется мнѣ объясненіе того страннаго противорѣчія, въ которомъ находится отжившая идея патріотизма со всѣмъ противнымъ ему складомъ идей, уже вошедшихъ въ наше время въ сознаніе христіанскаго міра.

III.

Патріотизмъ, какъ чувство исключительной любви къ своему народу и какъ ученіе о доблести жертвы своимъ спокойствіемъ, имуществомъ и даже жизнью для защиты слабыхъ отъ избіенія и насилія враговъ, — былъ высшей идеей того времени, когда всякій народъ считалъ возможнымъ и справедливымъ, для своего блага и могущества, подвергать избіенію и грабежу людей другого народа; но уже около 2000 лѣтъ тому назадъ высшими представителями мудрости человѣчества начала сознаваться высшая идея братства людей, и идея эта, все болѣе и болѣе входя въ сознаніе, получила въ наше время самыя разнообразныя осуществленія. Благодаря облегченію средствъ сообщенія, единству промышленности, торговли,

искусствъ и знаній, люди нашего времени до такой степени связаны между собою, что опасность завоеваній, убійствъ, насилій со стороны сосѣднихъ народовъ уже совершенно исчезла, и всѣ народы (народы, а не правительства) живутъ между собой въ мирныхъ, взаимно другъ другу выгодныхъ, дружескихъ — торговыхъ, промышленныхъ, умственныхъ сношеніяхъ, нарушать которыя имъ нѣтъ никакого ни смысла, ни надобности. И потому, казалось бы, отжившее чувство патріотизма должно было бы, какъ излишнее и несовмѣстимое съ вошедшимъ въ жизнь сознаніемъ братства людей разныхъ народностей, все болѣе и болѣе уничтожаться и совершенно исчезнуть. А между тѣмъ совершается обратное: вредное и отжитое чувство это не только продолжаетъ существовать, но все болѣе и болѣе разгорается.

Народы безъ всякаго разумнаго основанія, противно и своему сознанію, и своимъ выгодамъ, не только сочувствуютъ правительствамъ въ ихъ нападеніяхъ на другіе народы, въ ихъ захватахъ чужихъ владѣній и въ отстаиваніи насиліемъ того, что уже захвачено, — но сами требуютъ этихъ нападеній, захватовъ и отстаиваній, радуются имъ, гордятся ими. Мелкія угнетенныя народности, подпавшія подъ власть большихъ государствъ, — поляки, ирландцы, чехи, финляндцы, армяне, — реагируя противъ давящаго ихъ патріотизма покорителей, до такой степени заразились отъ угнетающихъ ихъ народностей этимъ отжитымъ, ставшимъ ненужнымъ, безсмысленнымъ и вреднымъ чувствомъ патріотизма, что вся ихъ дѣятельность сосредоточена на немъ и что они сами, страдая отъ патріотизма сильныхъ народовъ, готовы совершить надъ

другими народностями изъ-за того же патріотизма то самое, что покорившія ихъ народности производили и производятъ надъ ними.

Происходитъ это оттого, что правящіе классы (разумѣя подъ этимъ не одни правительства съ ихъ чиновниками, но и всѣ классы, пользующіеся исключительно выгоднымъ положеніемъ: капиталисты, журналисты, большинство художниковъ, ученыхъ) могутъ удерживать свое исключительно выгодное — въ сравненіи съ народными массами — положеніе, только благодаря государственному устройству, поддерживаемому патріотизмомъ. Имѣя же въ своихъ рукахъ всѣ самыя могущественныя средства вліянія на народъ, они всегда неукоснительно поддерживаютъ въ себѣ и другихъ патріотическія чувства, тѣмъ болѣе, что эти чувства, поддерживающія государственную власть, болѣе всего другого награждаются этой властью.

Всякій чиновникъ тѣмъ болѣе успѣваетъ по службѣ, чѣмъ онъ болѣе патріотъ; точно такъ же и военный можетъ подвинуться въ своей карьерѣ только на войнѣ, которая вызывается патріотизмомъ.

Патріотизмъ и послѣдствія его—войны даютъ огромный доходъ газетчикамъ и выгоды большинству торгующихъ. Всякій писатель, учитель, профессоръ тѣмъ болѣе обезпечиваетъ свое положеніе, чѣмъ болѣе будетъ проповѣдывать патріотизмъ. Всякій императоръ, король тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ славы, чѣмъ болѣе онъ преданъ патріотизму.

Въ рукахъ правящихъ классовъ войско, деньги, школа, религія, пресса. Въ школахъ они разжигаютъ въ дѣтяхъ патріотизмъ исторіями, описывая свой народъ, лучшимъ изъ всѣхъ народовъ

и всегда правымъ; во взрослыхъ разжигаютъ это же чувство зрѣлищами, торжествами, памятниками, патріотической, лживой прессой; главное же, разжигаютъ патріотизмъ тѣмъ, что, совершая всякаго рода несправедливости и жестокости противъ другихъ народовъ, возбуждаютъ въ нихъ вражду къ своему народу, а потомъ этой-то враждой пользуются для возбужденія вражды и въ своемъ народѣ.

Разгораніе этого ужаснаго чувства патріотизма шло въ европейскихъ народахъ въ какой-то быстро увеличивающейся прогрессіи и въ наше время дошло до послѣдней степени, далѣе которой итти уже некуда.

IV.

На памяти всѣхъ, не старыхъ даже людей нашего времени, совершилось событіе, самымъ очевиднымъ образомъ показавшее то поразительное одурѣніе, до котораго доведены были патріотизмомъ люди христіанскаго міра.

Правящіе классы германскіе разожгли патріотизмъ своихъ народныхъ массъ до такой степени, что былъ предложенъ народу во второй половинѣ XIX вѣка законъ, по которому всѣ люди безъ исключенія должны были быть солдатами; всѣ сыновья, мужья, отцы должны обучаться убійству и быть покорными рабами перваго высшаго чина и быть безпрекословно готовыми на убійство тѣхъ, кого имъ велятъ убивать: убивать людей угнетенныхъ народностей и своихъ рабочихъ, защищающихъ свои права, своихъ отцовъ и братьевъ, какъ публично заявилъ о томъ самый наглый изъ всѣхъ властителей—Вильгельмъ II.

Ужасная мѣра эта, самымъ грубымъ образомъ оскорбляющая всѣ лучшія чувства людей, была подъ вліяніемъ патріотизма безъ ропота принята народомъ Германіи.

Послѣдствіемъ ея была побѣда надъ французами. Побѣда эта еще болѣе разожгла патріотизмъ Германіи и потомъ Франціи, Россіи и другихъ державъ, и всѣ люди континентальныхъ державъ безропотно покорились введенію общей воинской повинности, т.-е. рабству, съ которымъ не можетъ быть сравниваемо по степени униженія и безволія никакое изъ древнихъ рабствъ. Послѣ этого рабская покорность массъ, во имя патріотизма, и дерзость, жестокость и безуміе правительствъ уже не знали предѣловъ. Начались наперебой, — вызываемые отчасти прихотью, отчасти тщеславіемъ, отчасти корыстью, — захваты чужихъ земель въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и все большее и большее недовѣріе и озлобленіе правительствъ другъ къ другу.

Уничтоженіе народовъ на захваченныхъ земляхъ принималось какъ нѣчто, само собой разумѣющееся. Вопросъ былъ только въ томъ, кто прежде захватитъ чужую землю и будетъ уничтожать ея обитателей. Всѣ правители не только самымъ явнымъ образомъ нарушали и нарушаютъ противъ покоренныхъ народовъ и другъ противъ друга самыя первобытныя требованія справедливости, но совершали и совершаютъ всякаго рода обманы, мошенничества, подкупы, подлоги, шпіонство, грабежи, убійства, и народы не только сочувствовали и сочувствуютъ всему этому, но радуются тому, что не другія государства, а ихъ государства совершаютъ эти злодѣянія. Взаимная враждебность народовъ и государствъ въ послѣднее время достигла такихъ удивительныхъ размѣровъ, что, несмотря на то, что нѣтъ никакой причины однимъ государствамъ нападать на другія, всѣ знаютъ, что всѣ государства всегда стоятъ другъ противъ друга съ выпущенными когтями и оскаленными зубами и ждутъ только того, чтобы кто-нибудь впалъ въ несчастье и ослабѣлъ, чтобы можно было съ наименьшей опасностью напасть на него и разорвать его.

Всѣ народы такъ называемаго христіанскаго міра доведены патріотизмомъ до такого озвѣренія, что не только тѣ люди, которые поставлены въ необходимость убивать или быть убитыми, желаютъ или радуются убійству, но и люди, спокойно живущіе въ своихъ никѣмъ не угрожаемыхъ домахъ въ Европѣ, благодаря быстрымъ и легкимъ сообщеніямъ и прессѣ, всѣ люди Европы и Америки — при всякой войнѣ — находятся въ положеніи зрителей въ римскомъ циркѣ и такъ же, какъ и тамъ радуются убійству и такъ же кровожадно кричатъ: «pollice verso!» *).

Не только большіе, но дѣти, чистыя, мудрыя дѣти, смотря по той народности, къ которой они принадлежатъ, радуются, когда узнаютъ, что побито, растерзано лиддитными снарядами не 700, а 1000 англичанъ или боэровъ. И родители, я знаю такихъ, поощряютъ дѣтей въ этомъ звѣрствѣ.

Но мало и этого. Всякое увеличеніе войска одного государства (а всякое государство, находясь въ опасности, ради патріотизма старается увеличить его) заставляетъ сосѣднее тоже изъ патріо-

---

*) „Добей его!“ *Ред.*

тизма увеличивать свои войска, что вызываетъ новое увеличенiе перваго.

То же происходитъ съ крѣпостями, флотами: одно государство построило 10 броненосцевъ, сосѣднiя построили 11; тогда первое строитъ 12—и. такъ далѣе въ безконечной прогрессiи.

— «А я тебя ущипну». — А я тебя кулакомъ.— «А я тебя кнутомъ». — А я палкой. — «А я изъ ружья»... такъ спорятъ и дерутся только злыя дѣти, пьяные люди или животныя, а между тѣмъ, это самое совершается въ средѣ высшихъ представителей самыхъ просвѣщенныхъ государствъ, тѣхъ самыхъ, которые руководятъ воспитанiемъ и нравственностью своихъ подданныхъ.

V.

Положенiе все ухудшается и ухудшается, и остановить это ведущее къ явной погибели ухудшенiе нѣтъ никакой возможности. Единственный представлявшiйся легковѣрнымъ людямъ выходъ изъ этого положенiя закрытъ теперь событiями послѣдняго времени; я говорю о Гаагской конференцiи и тотчасъ же послѣдовавшей за ней войнѣ Англiи съ Трансвааломъ.

Если мало или поверхностно разсуждающiе люди и могли еще утѣшаться мыслью, что международныя судилища могутъ устранять бѣдствiя войны и все растущихъ вооруженiй, то Гаагская конференцiя съ послѣдовавшей за ней войной очевиднѣйшимъ образомъ показала невозможность рѣшенiя вопроса этимъ путемъ. Послѣ Гаагской конференцiи стало очевидно, что до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать правительства съ войсками,

прекращенiе вооруженiй и войнъ невозможно. Для того, чтобы возможно было соглашенiе, нужно, чтобы соглашающiеся вѣрили другъ другу. Для того же, чтобы державы могли вѣрить другъ другу, онѣ должны сложить оружiе, какъ это дѣлаютъ парламентеры, когда съѣзжаются для совѣщанiй.

До тѣхъ же поръ, пока правительства, не вѣря другъ другу, не только не уничтожаютъ, не уменьшаютъ, но все увеличиваютъ войска соотвѣтственно увеличенiю у сосѣдей, неукоснительно черезъ шпiоновъ слѣдятъ за каждымъ передвиженiемъ войскъ, зная, что всякая держава набросится на сосѣднюю, какъ только будетъ имѣть къ тому возможность, — невозможно никакое соглашенiе, и всякая конференцiя есть или глупость, или игрушка, или обманъ, или дерзость, или все это вмѣстѣ.

Именно, русскому правительству болѣе другихъ подобало быть enfant terrible*) этой конференцiи. Русское правительство такъ избаловано тѣмъ, что дома никто не возражаетъ на всѣ его явно лживые манифесты и рескрипты, что оно, безъ малѣйшаго колебанiя разоривъ свой народъ вооруженiями, задушивъ Польшу, ограбивъ Туркестанъ, Китай и съ особеннымъ озлобленiемъ душа Финляндiю,—съ полной увѣренностью въ томъ, что всѣ повѣрятъ ему, предложило правительствамъ разоружаться.

Но какъ ни странно, ни неожиданно и неприлично было это предложенiе, особенно въ то самое время, когда было сдѣлано распоряженiе объ уве-

---

*) Страшнымъ дитятей. *Ред.*

личеніи войскъ, слова, сказанныя во всеуслышаніе, были такія, что правительствамъ другихъ державъ нельзя было передъ своими народами отказаться отъ комическихъ, явно лживыхъ совѣщаній, и делегаты съѣхались, зная впередъ, что ничего изъ этого выйти не можетъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, во время которыхъ получали хорошее жалованіе, хотя и посмѣивались себѣ въ рукавъ, всѣ добросовѣстно притворялись, что они очень озабочены установленіемъ мира между народами.

Гаагская конференція, закончившаяся страшнымъ кровопролитіемъ—трансваальской войны, которую никто не попытался и не пытается остановить, все-таки была полезна, хотя и совсѣмъ не тѣмъ, чего отъ нея ожидали; она была полезна тѣмъ, что самымъ очевиднымъ образомъ показала то, что зло, отъ котораго страдаютъ народы, не можетъ быть исправлено правительствами, что правительства, если бы и точно хотѣли этого, не могутъ уничтожить ни вооруженій, ни войнъ. Правительства для того, чтобы существовать, должны защищать свой народъ отъ нападенія другихъ народовъ; но ни одинъ народъ не хочетъ нападать и не нападаетъ на другой, и потому правительства не только не желаютъ мира, но старательно возбуждаютъ ненависть къ себѣ другихъ народовъ. Возбудивъ же къ себѣ ненависть другихъ народовъ, а въ своемъ народѣ патріотизмъ, правительства увѣряютъ свой народъ, что онъ въ опасности и нужно защищаться.

И имѣя въ своихъ рукахъ власть, правительства могутъ и раздражать другіе народы, и вызывать патріотизмъ въ своемъ, и старательно дѣлаютъ то и другое, и не могутъ не дѣлать этого, потому что на этомъ основано ихъ существованіе.

Если правительства были нужны прежде для того, чтобы защищать свои народы отъ нападенія другихъ, то теперь, напротивъ, правительства искусственно нарушаютъ миръ, существующій между народами, и вызываютъ между ними вражду.

Если нужно было пахать для того, чтобы сѣять, то пахота была разумное дѣло; но, очевидно, безумно и вредно пахать, когда посѣвъ взошелъ. А это самое заставляютъ правительства дѣлать свои народы, — разрушать то единеніе, которое существуетъ и ничѣмъ бы не нарушалось, если бы не было правительствъ.

VI.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ наше время правительства, безъ которыхъ людямъ кажется невозможнымъ существовать?

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чѣмъ то, которое происходило отъ беззащитности противъ организованныхъ сосѣдей, то теперь правительства стали ненужное и гораздо большее зло, чѣмъ все то, чѣмъ они пугаютъ свои народы.

Правительства не только военныя, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю— полезны, но безвредны, только въ томъ случаѣ, если бы они состояли изъ непогрѣшимыхъ, святыхъ людей, какъ это и предполагается у китайцевъ. Но вѣдь правительства по самой дѣятельности своей, состоящей въ совершеніи насилій, всегда состоятъ изъ самыхъ противоположныхъ святости

элементовъ, изъ самыхъ дерзкихъ, грубыхъ и развращенныхъ людей.

Всякое правительство поэтому, а тѣмъ болѣе правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное самое опасное въ мірѣ учрежденіе.

Правительство, въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая въ него и капиталистовъ, и прессу, есть ничто иное, какъ такая организація, при которой большая часть людей находится во власти стоящей надъ ними меньшей части; эта же меньшая часть подчиняется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконецъ, до нѣсколькихъ людей или одного человѣка, которые посредствомъ военнаго насилія получаютъ власть надъ всѣми остальными. Такъ что все это устройство подобно конусу, всѣ части котораго находятся въ полной власти тѣхъ лицъ или того лица, которое находится на вершинѣ его.

Вершину же этого конуса захватываютъ тѣ люди или тотъ человѣкъ, который болѣе хитеръ, дерзокъ и безсовѣстенъ, чѣмъ другіе, или случайный наслѣдникъ тѣхъ, которые болѣе дерзки и безсовѣстны.

Нынче Борисъ Годуновъ, завтра Григорій Отрепьевъ, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачевъ, послѣ завтра безумный Павелъ, Николай, Александръ III.

Нынче Наполеонъ, завтра Бурбонъ или Орлеанскій, Буланже или компанія панамистовъ; нынче Гладстонъ, завтра Сольсбери, Чемберленъ, Родсъ.

И такимъ-то правительствамъ предоставляется

полная власть не только надъ имуществомъ, жизнью, но и надъ духовнымъ и нравственнымъ развитіемъ, надъ воспитаніемъ, религіознымъ руководствомъ всѣхъ людей.

Устроятъ себѣ люди такую страшную машину власти, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а всѣ шансы за то, что захватитъ ее самый нравственно дрянной человѣкъ), и рабски подчиняются — и удивляются, что имъ дурно. Боятся минъ, анархистовъ, а не боятся этого ужаснаго устройства, всякую минуту угрожающаго имъ величайшими бѣдствіями.

Люди нашли, что для того, чтобы имъ защищаться отъ враговъ, имъ полезно связать себя, какъ это дѣлаютъ защищающіеся черкесы. Но опасности нѣтъ никакой, и люди продолжаютъ связывать себя.

Старательно свяжутъ себя такъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ со всѣми ими дѣлать все, что захочетъ; потомъ конецъ веревки, связывающей ихъ, бросятъ болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и дѣлать съ ними все, что имъ нужно.

Вѣдь что же, какъ не это самое, дѣлаютъ народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное съ военной властью правительство?

VII.

Для избавленія людей отъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій вооруженій и войнъ, которыя они терпятъ теперь и которыя все увеличиваются и увеличиваются, нужны не конгрессы, не конференціи, не трак-

таты и судилища, а уничтоженіе того орудія насилія, которое называется правительствами, и отъ котораго происходятъ величайшія бѣдствія людей.

Для уничтоженія правительствъ нужно только одно: нужно, чтобы люди поняли, что то чувство патріотизма, которое одно поддерживаетъ это орудіе насилія, есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное — безнравственное. Грубое чувство потому, что оно свойственно только людямъ, стоящимъ на самой низкой ступени нравственности, ожидающимъ отъ другихъ народовъ тѣхъ самыхъ насилій, которыя они сами готовы нанести имъ: вредное чувство потому, что оно нарушаетъ выгодныя и радостныя мирныя отношенія съ другими народами и, главное, производитъ ту организацію правительствъ, при которыхъ власть можетъ получить и всегда получаетъ худшій; постыдное чувство потому, что оно обращаетъ человѣка не только въ раба, но въ бойцоваго пѣтуха, быка, гладіатора, который губитъ свои силы и жизнь для цѣлей не своихъ, а своего правительства; чувство безнравственное потому, что вмѣсто признанія себя сыномъ Бога, какъ учитъ насъ христіанство, или хотя бы свободнымъ человѣкомъ, руководящимся своимъ разумомъ, — всякій человѣкъ, подъ вліяніемъ патріотизма, признаетъ себя сыномъ своего отечества, рабомъ своего правительства, и совершаетъ поступки, противные своему разуму и своей совѣсти.

Стоитъ людямъ понять это, и само собой, безъ борьбы, распадется ужасное сцѣпленіе людей, называемое правительствомъ, и вмѣстѣ съ нимъ то ужасное, безполезное зло, причиняемое имъ народамъ.

И люди уже начинаютъ понимать это. Вотъ что

пишетъ, напримѣръ, гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ:

«Единственное, чего мы просимъ всѣ, — земледѣльцы, механики, купцы, фабриканты, учителя, — это права заниматься нашими собственными дѣлами. Мы имѣемъ свои дома, любимъ нашихъ друзей, преданы нашимъ семьямъ и не вмѣшиваемся въ дѣла нашихъ сосѣдей, у насъ есть работа, и мы желаемъ работать.

«Оставьте насъ въ покоѣ!

«Но политиканы не хотятъ оставить насъ. Они облагаютъ насъ налогами, поѣдаютъ наше имущество, переписываютъ насъ, призываютъ нашу молодежь къ своимъ войнамъ.

«Цѣлые миріады живущихъ на счетъ государства зависятъ отъ государства, содержатся имъ, чтобы облагать насъ налогами; а для того, чтобы облагать съ успѣхомъ, содержатся постоянныя войска. Доводъ, что армія нужна для того, чтобы защищать страну, явный обманъ. Французское государство пугаетъ народъ, говоря, что нѣмцы хотятъ напасть на него; русскіе боятся англичанъ; англичане боятся всѣхъ; а теперь въ Америкѣ намъ говорятъ, что нужно увеличить флотъ, прибавить войска, потому что Европа можетъ въ каждый моментъ соединиться противъ насъ. Это обманъ и неправда. Простой народъ во Франціи, Германіи, Англіи и Америкѣ — противъ войны. Мы желаемъ только, чтобы насъ оставили въ покоѣ. Люди, имѣющіе женъ, родителей, дѣтей, дома, — не имѣютъ желанія уходить драться съ кѣмъ бы то ни было. Мы миролюбивы и боимся войны, ненавидимъ ее».

«Мы хотимъ только не дѣлать другимъ того, чего не хотѣли бы, чтобы намъ дѣлали.

«Война есть непремѣнное слѣдствіе существованія вооруженныхъ людей. Страна, содержащая большую постоянную армію, рано или поздно будетъ воевать. Человѣкъ, гордящійся своей силой въ кулачномъ бою, когда-нибудь встрѣтится съ человѣкомъ, который считаетъ себя лучшимъ бойцомъ,— и они будутъ драться. Германія и Франція только ждутъ случая испытать другъ противъ друга свои силы. Онѣ дрались уже нѣсколько разъ и будутъ драться опять. Не то, чтобы ихъ народъ желалъ войны, но высшій классъ раздуваетъ въ нихъ взаимную ненависть и заставляетъ людей думать, что они должны воевать, чтобы защищаться.

«Людей, которые хотѣли бы слѣдовать ученію Христа, облагаютъ налогами, оскорбляютъ, обманываютъ и затягиваютъ въ войны.

«Христосъ училъ смиренію, кротости, прощенію обидъ и тому, что убивать дурно. Писаніе учитъ людей не клясться, но «высшій классъ» заставляетъ насъ клясться на писаніи, въ которое не вѣритъ.

«Какъ же намъ освободиться отъ этихъ расточителей, которые не работаютъ, но одѣты въ тонкое сукно съ мѣдными пуговицами и дорогими украшеніями, которые кормятся нашими трудами, для которыхъ мы обрабатываемъ землю?

«Сражаться съ ними?

«Но мы не признаемъ кровопролитія, да, кромѣ того, у нихъ оружіе и деньги, и они выдержатъ дольше, чѣмъ мы.

«Но кто составляетъ ту армію, которая будетъ воевать съ нами?

«Армію эту составляемъ мы же, наши обманутые сосѣди и братья, которыхъ увѣрили, что они служатъ Богу, защищая свою страну отъ враговъ.

Въ дѣйствительности же, наша страна не имѣетъ враговъ, кромѣ высшаго класса, который взялся блюсти наши интересы, если только мы будемъ соглашаться платить налоги. Они высасываютъ наши средства и возстановляютъ нашихъ истинныхъ братьевъ противъ насъ для того, чтобы поработить и унизить насъ.

«Вы не можете послать телеграмму своей женѣ или своему другу, или чекъ своему поставщику, пока не заплатите налогъ, взимаемый на содержаніе вооруженныхъ людей, которые могутъ быть употребляемы на то, чтобы убить васъ и которые несомнѣнно посадятъ васъ въ тюрьму, если вы не заплатите.

«Единственное спасеніе въ томъ, чтобы внушать людямъ, что убивать нехорошо, учить ихъ тому, что весь законъ и пророки въ томъ, чтобы дѣлать другимъ то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Молчаливо пренебрегайте этимъ высшимъ классомъ, отказывайтесь преклоняться передъ ихъ воинственнымъ идоломъ. Перестаньте поддерживать проповѣдниковъ, которые проповѣдуютъ войну и выставляютъ патріотизмъ, какъ нѣчто важное.

«Пусть они идутъ работать, какъ мы.

«Мы вѣримъ въ Христа, а они нѣтъ. Христосъ говорилъ то, что думалъ; они говорятъ то, чѣмъ они думаютъ понравиться людямъ, имѣющимъ власть— «высшему классу».

«Мы не будемъ поступать на службу. Не будемъ стрѣлять по ихъ приказанію. Мы не будемъ вооружаться штыками противъ добраго, кроткаго народа. Мы не будемъ по внушенію Сесиль Родса стрѣлять въ пастуховъ и земледѣльцевъ, защищающихъ свои очаги.

«Вашъ ложный крикъ: «волкъ волкъ!» не испугаетъ насъ. Мы платимъ ваши налоги только потому, что принуждены дѣлать это. Мы будемъ платить только до тѣхъ поръ, пока принуждены это дѣлать. Мы не будемъ платить церковные налоги ханжамъ, ни десятой доли вашей лицемѣрной благотворительности, и мы будемъ при всякомъ случаѣ высказывать свое мнѣніе.

«Мы будемъ воспитывать людей.

«И все время наше молчаливое вліяніе будетъ распространяться; и даже люди, уже набранные въ солдаты, будутъ колебаться сражаться. Мы будемъ внушать мысль, что христіанская жизнь въ мирѣ и благоволеніи лучше, чѣмъ жизнь борьбы, кровопролитія и войны.

«Миръ на землѣ!» — можетъ наступить только тогда, когда люди отдѣлаются отъ войскъ и будутъ желать дѣлать другимъ то, что хотятъ, чтобы имъ дѣлали».

Такъ пишетъ гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и съ разныхъ сторонъ, въ разныхъ формахъ раздаются такіе же голоса.

Вотъ что пишетъ нѣмецкій солдатъ:

«Я совершилъ два похода вмѣстѣ съ прусской гвардіей (1866—1870 гг.) и ненавижу войну отъ глубины души, такъ какъ она сдѣлала меня невыразимо несчастнымъ. Мы, раненые вояки, получаемъ большею частью такое жалкое вознагражденіе, что приходится, дѣйствительно, стыдиться за то, что когда-то мы были патріотами. Я, напримѣръ, получаю ежедневно 80 пфениговъ за мою простреленную при штурмѣ въ С. Привa 18 августа 1870 г. правую руку. Другой охотничьей собакѣ нужно больше для ея содержанія. А я страдалъ цѣлые годы

отъ моей дважды простреленной правой руки. Уже въ 1866 г. я участвовалъ въ войнѣ противъ Австріи, сражался у Траутенау и Кенигрица и насмотрѣлся довольно-таки ужасовъ. Въ 1870 г. я, какъ находившійся въ запасѣ, былъ призванъ вновь и, какъ я уже сказалъ, былъ раненъ при штурмѣ въ С. Прива: правая рука моя была прострелена два раза вдоль. Я потерялъ хорошее мѣсто (я былъ тогда пивоваромъ) и потомъ не могъ уже получить его опять. Съ тѣхъ поръ мнѣ ужъ больше никогда не удалось встать на ноги. Дурманъ скоро разсѣялся, и воякѣ-инвалиду оставалось только кормиться на нищенскіе гроши и подаяніе...

«Въ мірѣ, гдѣ люди бѣгаютъ, какъ дрессированные звѣри, и не способны ни на какую другую мысль, кромѣ того, чтобы перехитрить другъ друга, ради маммоны, въ такомъ мірѣ пусть считаютъ меня чудакомъ, но я все же чувствую въ себѣ божественную мысль о мирѣ, которая такъ прекрасно выражена въ нагорной проповѣди. По моему глубочайшему убѣжденію, война — это только торговля въ большихъ размѣрахъ, — торговля честолюбивыхъ и могущественныхъ людей счастьемъ народовъ.

«И какихъ только ужасовъ не переживаешь при этомъ! Никогда я ихъ не забуду, этихъ жалобныхъ стоновъ, проникающихъ до мозга костей.

«Люди, никогда не причиняющіе другъ другу зла, умерщвляютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри, а мелкія рабскія души замѣшиваютъ добраго Бога пособникомъ въ этихъ дѣлахъ.

«Сосѣду моему въ строю пуля раздробила челюсть. Несчастный обезумѣлъ отъ боли. Онъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій, и подъ палящимъ лѣт-

нимъ зноемъ не находилъ даже воды для того, чтобы освѣжить свою ужасную рану. Нашъ командиръ кронпринцъ Фридрихъ (впослѣдствіи благородный императоръ Фридрихъ) писалъ тогда въ своемъ дневникѣ: «Война — это иронія на Евангеліе»...

Люди начинаютъ понимать тотъ обманъ патріотизма, въ которомъ такъ усердно стараются удержать ихъ всѣ правительства.

VIII.

«Но что же будетъ, если не будетъ правительствъ?»—говорятъ обыкновенно.

— Ничего не будетъ; будетъ только то, что уничтожится то, что было давно уже не нужно и потому излишне и дурно; уничтожится тотъ органъ, который, ставъ ненужнымъ, сдѣлался вреднымъ.

«Но если не будетъ правительствъ, — люди будутъ насиловать и убивать другъ друга», — говорятъ обыкновенно.

— Почему? почему уничтоженіе той организаціи, которая возникла вслѣдствіе насилія и по преданію передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію для произведенія насилія, — почему уничтоженіе такой потерявшей употребленіе организаціи сдѣлаетъ то, что люди будутъ насиловать и убивать другъ друга? Казалось бы, напротивъ, уничтоженіе органа насилія сдѣлаетъ то, что люди перестанутъ насиловать и убивать другъ друга.

Теперь есть люди, спеціально воспитываемые, приготовляемые для того, чтобы убивать и насиловать другихъ людей, — люди, за которыми признается право насиловать, и которые пользуются устроенной для этого организаціей; и такое насилованіе и убиваніе считается хорошимъ и доблестнымъ дѣломъ. Тогда же люди не будутъ для этого воспитываться, ни за кѣмъ не будетъ права насиловать другихъ, не будетъ организаціи насилія, и, какъ это свойственно людямъ нашего времени, насиліе и убійство будетъ всегда и для всѣхъ считаться дурнымъ дѣломъ.

Если же и послѣ уничтоженія правительствъ будутъ происходить насилія, то, очевидно, они будутъ меньше, чѣмъ тѣ, которыя производятся теперь, когда есть спеціально для произведенія насилія устроенныя организаціи и положенія, при которыхъ насилія и убійство признаются хорошимъ и полезнымъ дѣломъ.

Уничтоженіе правительствъ только уничтожитъ по преданію переходящую, ненужную организацію насилія и оправданіе его.

«Не будетъ ни законовъ, ни собственности, ни судовъ, ни полиціи, ни народнаго образованія», — говорятъ обыкновенно, умышленно смѣшивая насилія власти съ различными дѣятельностями общества.

Уничтоженіе организаціи правительствъ, учрежденныхъ для произведенія насилія надъ людьми, никакъ не влечетъ за собой уничтоженія того, что есть разумнаго и хорошаго, а потому ненасильственнаго въ законахъ, судѣ, собственности, полицейскихъ огражденіяхъ, финансовыхъ устройствахъ, народномъ образованіи. Напротивъ, отсутствіе грубой власти правительствъ, имѣющихъ цѣль поддержать только себя, будетъ содѣйствовать болѣе разумной и справедливой обществен-

ной организаціи, не нуждающейся въ насиліи. И судъ, и общественныя дѣла, и народное образованіе, — все это будетъ въ той мѣрѣ, въ которой это нужно народамъ, и въ такой формѣ, которая не будетъ содержать связаннаго съ нынѣшней правительственной организаціей зла; уничтожится только то, что было дурно и мѣшало свободному проявленію воли народовъ.

Но если и допустить, что при отсутствіи правительствъ произойдутъ смуты и внутреннія столкновенія, то и тогда положеніе народовъ было бы лучше, чѣмъ оно теперь. Положеніе народовъ теперь таково, что ухудшеніе его трудно себѣ представить. Народъ весь разоренъ, и разореніе неизбѣжно должно итти, усиливаясь. Всѣ мужчины обращены въ военныхъ рабовъ и всякую минуту должны ждать приказа итти убивать и быть убиваемыми. Чего же еще ждать? Того, чтобы разоренные народы вымирали съ голода? Это уже начинается въ Россіи, Италіи и Индіи. Или того, чтобы, кромѣ мужчинъ, забрали въ солдаты и женщинъ? Въ Трансваалѣ и это уже начинается.

Такъ что, если бы и дѣйствительно отсутствіе правительствъ означало анархію въ отрицательномъ, безпорядочномъ смыслѣ этого слова (чего оно вовсе не означаетъ), то и тогда никакіе безпорядки анархіи не могли бы быть хуже того положенія, до котораго правительства уже довели свои народы и къ которому они ведутъ ихъ.

И потому не можетъ не быть полезнымъ для людей освобожденіе отъ патріотизма и уничтоженіе зиждущагося на немъ деспотизма правительствъ.

IX.

Опомнитесь, люди, и ради своего блага и тѣлеснаго, и духовнаго и такого же блага вашихъ братьевъ и сестеръ, остановитесь, одумайтесь, подумайте о томъ, что вы дѣлаете!

Опомнитесь и поймите, что враги ваши не буры, не англичане, не французы, не нѣмцы, не чехи, не финляндцы, не русскіе, а враги ваши, одни враги — вы сами, поддерживающіе своимъ патріотизмомъ угнетающія васъ и дѣлающія ваши несчастія правительства.

Они взялись защищать васъ отъ опасности и довели это мнимое положеніе защиты до того, что вы всѣ стали солдатами, рабами, всѣ разорены, все болѣе и болѣе разоряетесь и всякую минуту можете и должны ожидать, что натянутая струна лопнетъ, начнется страшное избіеніе васъ и вашихъ дѣтей.

И какъ бы велико ни было избіеніе и чѣмъ бы оно ни кончилось, положеніе останется то же. Такъ же и еще съ большей напряженностью, правительства будутъ вооружать и разорять, и развращать васъ и дѣтей вашихъ, и остановить, предупредить это никто не поможетъ вамъ, если вы сами не поможете себѣ.

Помощь же только въ одномъ — въ уничтоженіи того страшнаго сцѣпленія конуса насилія, при которомъ тотъ или тѣ, кому удастся взобраться на вершину этого конуса, властвуютъ надъ всѣмъ народомъ и тѣмъ вѣрнѣе властвуютъ, чѣмъ болѣе они жестоки и безчеловѣчны, какъ это мы знаемъ по Наполеонамъ, Николаямъ I, Бисмаркамъ, Чем-

берленамъ, Родсамъ и нашимъ диктаторамъ, правящимъ народами отъ имени царя.

Для уничтоженія же этого сцѣпленія есть только одно средство — пробужденіе отъ гипноза патріотизма.

Поймите, что все то зло, отъ котораго вы страдаете, вы сами себѣ дѣлаете, подчиняясь тѣмъ внушеніямъ, которыми обманываютъ васъ императоры, короли, члены парламентовъ, правители, военные, капиталисты, духовенство, писатели, художники, — всѣ тѣ, которымъ нуженъ этотъ обманъ патріотизма для того, чтобы жить вашими трудами.

Кто бы вы ни были, — французъ, русскій, полякъ, англичанинъ, ирландецъ, нѣмецъ, чехъ, — поймите, что всѣ ваши настоящіе человѣческіе интересы, какіе бы они ни были — земледѣльческіе, промышленные, торговые, художественные или ученые, — всѣ интересы эти такъ же, какъ и удовольствія и радости, ни въ чемъ не противорѣчатъ интересамъ другихъ народовъ и государствъ, и что вы связаны взаимнымъ содѣйствіемъ, обмѣномъ услугъ, радостью широкаго братскаго общенія, обмѣна не только товаровъ, но мыслей и чувствъ съ людьми другихъ народовъ.

Поймите, что вопросы о томъ, кому удалось захватить Вей-Хай-Вей, Портъ-Артуръ или Кубу, — вашему правительству или другому — для васъ не только безразличны, но всякій такой захватъ, сдѣланный вашимъ правительствомъ, вредитъ вамъ потому, что неизбѣжно влечетъ за собой всякаго рода воздѣйствія на васъ вашего правительства, чтобы заставить васъ участвовать въ грабежахъ и насиліяхъ, нужныхъ для захватовъ и удержанія захваченнаго. Поймите, что ваша жизнь нисколько

не можетъ улучшиться отъ того, что Эльзасъ будетъ нѣмецкій или французскій, а Ирландія и Польша свободны или порабощены; чьи бы они ни были, вы можете жить, гдѣ хотите; даже если бы вы были эльзасецъ, ирландецъ или полякъ, — то поймите, что всякое ваше разжиганіе патріотизма будетъ только ухудшать ваше положеніе, потому что то порабощеніе, въ которомъ находится вашъ народъ, произошло только отъ борьбы патріотизмовъ, и всякое проявленіе патріотизма въ одномъ народѣ увеличиваетъ реакцію противъ него въ другомъ. Поймите, что спастись отъ всѣхъ вашихъ бѣдствій вы можете только тогда, когда освободитесь отъ отжившей идеи патріотизма и основанной на ней покорности правительствамъ и когда смѣло вступите въ область той высшей идеи братскаго единенія народовъ, которая давно уже вступила въ жизнь и со всѣхъ сторонъ призываетъ васъ къ себѣ.

Только бы люди поняли, что они не сыны какихъ-либо отечествъ и правительствъ, а сыны Бога, и потому не могутъ быть ни рабами, ни врагами другихъ людей, и сами собой уничтожатся тѣ безумныя, ни на что уже не нужныя, оставшіяся отъ древности губительныя учрежденія, называемыя правительствами, и всѣ тѣ страданія, насилія, униженія и преступленія, которыя они несутъ съ собой.

Изданія „Единенія".

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій грѣхъ. Ц. 20 к.
О значеніи русской революціи. Ц. 30 к.
Проѣзжій и крестьянинъ. — Истинная свобода. Ц. 20 к.
Отвѣтъ Синоду. Ц. 10 к.
Неизбѣжный переворотъ. Ц. 20 к.
Законъ насилія и законъ любви. Ц. 60 к.
„Одумайтесь!" Ц. 60 к.
Рабство нашего времени. Ц. 60 к.
Къ рабочему народу. Ц. 40 к.
Единое на потребу. Ц. 40 к.
Къ политическимъ дѣятелямъ. Ц. 20 к.
Единственное средство. Ц. 20 к.
Кругъ чтенія (окончательная версія переработанная въ 1908 г.). **Іюль.**
Конецъ вѣка. Ц. 40 к.
О наукѣ (сборникъ статей). Ц. 40 к.
Николай Палкинъ. Ц. 20 к.
Не могу молчать. Ц. 40 к.

В. Г. ЧЕРТКОВЪ.

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ. Ц. 20 к.
Эпиктетъ. Ц. 60 к.

Печатаются:

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Кругъ чтенія. Августъ, Сентябрь.
Христіанство и патріотизмъ.
Неужели это такъ надо?
Единая заповѣдь.

Складъ изданій: Москва, Петровскія линіи, книжный магазинъ «Посредникъ» для «Единенія».